

КОСМОНОРТ

ЖУРНАЛ ФАКТАУИКУ

№ 1, 2013

16+

КОСМОПОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№ 1, 2013

Уважаемые читатели!

Перед вами новый литературно-художественный журнал фантастики «Космопорт». Как в настоящем космопорте существует неограниченное количество терминалов для того, чтобы доставить пассажиров в любую точку Вселенной, так и страницы нашего журнала открыты для произведений всех направлений фантастики. Главное, чтобы это было интересно написано, фантастическая идея по-своему логична, а герои не оставляли бы вас равнодушными.

А теперь пристегните ремни, не смотрите налево, там обрез, а смотрите направо и листайте, читайте — и вы встретите ВАШ текст, ВАШУ страницу, ВАШ абзац и ВАШЕ слово.

Главный редактор:
Михаил ДЕРЕВЯНКО
Заместитель главного редактора:
Сергей БУЛЫГА
Шеф-редактор:
Виталий ПИЩЕНКО
Художники:
Ирина ЛАЗЕРКО,
Наталья КЛЕВЦЕВИЧ
Вёрстка, дизайн:
Наталья КЛЕВЦЕВИЧ

Учредитель и издатель:
Частное торговое унитарное пред-
приятие «Минар»,
г. Минск, ул. Лобанка, 22 - Н5.
Свидетельство о регистрации
№ 1633 от 20. 06. 2013.

Адрес для переписки: 220082,
РБ, г. Минск, а/я 34. «Космопорт».
Телефон: +375-29-653-22-54.

Эл почта avtor@kosmoport.net
сайт: www.kosmoport.net

Перепечатка материалов допускает-
ся только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Подписано в печать:
23. 07. 2013. Формат 70x100/16.
Офсетная печать. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,16. Заказ № 5828.
Тираж 11 500 экз.

Отпечатано в унитарном полигра-
фическом предприятии «Витебская
областная типография».
ЛП № 02330/0494165 от 03. 04. 2009 г.
Ул. Щербакова-Набережная, 4,
г. Витебск

Подписные индексы в Беларуси:
для инд. подписчиков - 74892,
для вед. подписчиков - 748922
© Частное предприятие «Минар», 2013

- 2 **Кен ЛЮ «МОНО-НО АВАРЭ»** — о том, что может произойти с землянами после гибели Земли
- 14 **Илья СУХАНОВ «БУМАЖНЫЙ ТИГР»** — штрихи к биографии Кена Лю, восходящей звезды американской фантастики
- 16 **Сергей ЛЕГЕЗА «ВО ТЬМЕ, ГДЕ СВЕТ»** — правдивый рассказ старого ландскнехта про битву с нечистой силой
- 23 **Сергей БУЛЫГА «ЧКЕ»** — история одного незнакомца, которого долгое время считали самым обычным колдуном
- 26 **Александр МАРКОВ «МЕТРО»** — может кто-то и усомнится, но на самом деле всё было именно так, как здесь рассказано
- 34 **Майк ГЕЛПРИН «БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ»** — на дальнем краю Галактики, среди совсем непохожих на нас существ...
- 44 **Евгений ОБУХОВ «ДЕЛИТ» И ДРУГИЕ** — фантастические миниатюры о нашей смешной реальной жизни
- 48 **Леонид КУДРЯВЦЕВ «ТЕРРИТОРИЯ»** — краткий обзор общей истории через танковый триплекс
- 56 **Оксана ДРЯБИНА и Леонид КУДРЯВЦЕВ «ПОД ФЛАГОМ ДЖЕКА ВОРОБЬЯ»** — о будущем книжного рынка, фантастике и пиратстве
- 62 **«СТАРТ ДАН!»** — о том, как редакция журнала «Космопорт» видит его будущее

Кен Лю

МОНО-НО АВАРЭ

Мир по форме похож на иероглиф «зонт», но написанный так неуклюже (так от руки их рисую я), что все части непропорциональны.

Папе было бы очень стыдно за то, что я до сих пор пишу иероглифы так по-детски. Да и написать многие из них я могу уже с трудом. Моё образование в Японии закончилось, когда мне было всего восемь.

Но для описания даже этот плохо нарисованный иероглиф сойдёт.

Дуга сверху — солнечный парус. Даже такой искажённый иероглиф может дать вам подсказку о том, насколько он широк. Вращающийся диск, в сотни раз более тонкий, чем рисовая бумага, раскинулся на тысячи километров в космосе, как гигант-

Кен Лю родился в 1976 году. Американский писатель-фантаст, лауреат премии Хьюго и Небьюла 2012 г. Подробнее смотрите на стр. 14-15.

ский воздушный змей, улавливающий каждый пролетающий фотон. Он буквально закрывает небо.

Ниже свисает трос из карбоновых нанотрубок длиной в сотню километров — крепких, лёгких и гибких. А на конце троса сердце «Надеющегося», жилой модуль, узкий пятисотметровый цилиндр, дом для тысячи двадцати одного обитателя нашего мира.

Свет Солнца давит на парус, закручивая нас по постоянно расширяющийся и одновременно ускоряющейся спиральной орбите. Ускорение направлено к палубе и придаёт всему вес.

Наша цель — звезда, которая называется 61 Девы. Вы не можете увидеть её, потому что сейчас она за куполом солнечного паруса. «Надеющейся» достигнет её лет через триста. Если повезёт, мои пра-пра-пра (однажды я подсчитал сколько раз понадобится повторить «пра», но теперь уже не помню) внуки увидят её.

В жилом модуле нет окон, и поэтому взгляд не улавливает, как звёзды проплывают мимо. Большинство людей не задумывается об этом, звёзды успели наскучить им много лет назад. Но я люблю наблюдать уменьшающееся красноватое свечение нашего Солнца, нашего прошлого, через камеры, встроенные в нижнюю часть корабля...

— Хирото, — папа встряхнул меня, чтоб я скорее проснулся. — Собирай вещи. Пора.

Мой маленький чемодан был готов. Мой гобан и камни были уже в нём. Папа подарил мне комплект го, когда мне было пять, и я обожал те часы, которые мы проводили за игрой.

Солнце ещё не взошло, когда мама, папа и я вышли на улицу. Все соседи, также с вещами, стояли у своих домов и, под летними звёздами, мы вежливо здоровались друг с другом. Как обычно, я нашёл Молот. Это было легко. С тех пор, как я себя помнил, астероид всегда был самым ярким объектом на небе, за исключением Луны, и каждый год он становился всё ярче.

Посередине улицы медленно ехал грузовик с громкоговорителями.

— Внимание, жители Курюма! Пожалуйста, организовано двигайтесь к автобусной остановке. Там будет много автобусов, которые отвезут вас до железнодорожной станции, где вы сядете на поезд до Кагосимы. Не используйте автомобили. Дороги должны оставаться свободными для эвакуационных автобусов и правительственного транспорта.

И все семьи медленно двинулись по тротуарам.

— Мисс Маэда, — папа обратился к нашей соседке. — Вам помочь с вещами?

— Да, пожалуйста, — ответила пожилая женщина.

Пройдя минут десять, мисс Маэда остановилась и опёрлась о фонарный столб.

— Долгая прогулка выходит, бабушка, — сказал я. Она кивнула, говорить она не могла из-за одышки. Я попытался немно-

го подбодрить её: — Вы думали о том, что в Кагосиме встретитесь с внуком? Я тоже скучаю по Миши. Вы сможете сидеть вместе с ним на космическом корабле. Говорят, там хватит места всем.

Мама одобряюще улыбнулась мне.

— Какая удача, что мы здесь, — сказал папа. Он жестом обвёл ровные колонны людей, идущих к автобусной остановке: торжественно выглядящие юноши в чистых костюмах и ботинках, женщины средних лет, помогающие пожилым родителям, не замусоренные свободные улицы и спокойствие — ведь, несмотря на большое количество людей, никто не говорил громче, чем шёпотом. Казалось, воздух почти мерцает, пронизанный невидимыми и прочными, как шёлковые нити, тесными (семейными, соседскими, дружескими, рабочими) связями между людьми.

По телевизору я видел, что происходило в других местах: торжествующие мародёры, отплясывающие на улицах; солдаты и полицейские, стреляющие в воздух, а иногда в людей; горящие здания; балансирующие горы трупов; генералы, которые распалили толпы безумцев, готовых мстить за старинные обиды, несмотря на то, что конец мира был близок.

— Ты должен запомнить это, Хирото, — сказал папа. Переполняемый чувствами он ещё раз оглянулся вокруг. — Увидеть силу народа можно только перед лицом несчастий. Мы не просто сборище одиночек, всех нас воедино связывают отношения с другими людьми. И чтобы жить в согласии, человек должен подняться над своим эгоизмом. Сам по себе человек ничтожен и слаб, но собравшись вместе, как единое целое, японская нация непобедима...

— ...Мистер Симидзу, мне не нравится эта игра, — говорит восьмилетний Бобби. Школа расположена в самом центре

цилиндрического жилого модуля. Здесь самая сильная защита от космической радиации. Перед классной комнатой висит большой американский флаг, перед ним каждое утро дети дают клятву. По бокам от флага США два ряда флажков других стран, выжившие представители которых находятся на борту «Надеющегося». В самом конце слева я вижу детское изображение хиномару. Уголки бумажного листа уже загнулись, а ярко алый круг восходящего солнца выцвел до оранжевого оттенка заката. Я нарисовал этот флаг в первый день пребывания на «Надеющемся».

Я подвинул стул к парте, за которой сидели Бобби и его приятель Эрик.

— Почему? — спросил я.

Между мальчиками поле, расчерченное 19 горизонтальными и 19 вертикальными линиями. Несколько чёрных и белых камней уже стоят на пересечениях линий.

Раз в две недели у меня бывает свободный день, и вместо наблюдений за состоянием солнечного паруса я прихожу сюда, чтобы рассказывать детям что-нибудь о Японии. Иногда, делая это, я чувствую себя глуповато. Как же я могу рассказывать детям о Японии, если у меня самого остались о ней только смутные детские воспоминания?

Но у меня нет выбора. Все техники-неамериканцы вроде меня чувствуют себя обязанными участвовать в школьной программе обогащения культуры и передать детям всё, что мы знаем.

— Все камни одинаковые, — объясняет Бобби, — и они не двигаются. Они такие скучные.

— А какая игра тебе нравится? — спрашиваю я.

— «Защитник астероида»! — отвечает Эрик. — Замечательная игра. Ты должен спасти мир.

— Я имею в виду не компьютерные игры.

Бобби пожимает плечами. Потом не очень уверенно говорит:

— Думаю, шахматы. Мне нравится ферзь. Он сильный и отличается от остальных. Настоящий герой.

— Но шахматы — игра мелких стычек, — отвечаю я. — А го даёт больше возможностей. Здесь разыгрываются настоящие сражения.

— Но в го нет героев, — настаивает Бобби.

Я не знаю, что ответить ему...

...В Кагосиме не было мест, чтобы остановиться, и все спали вдоль дороги в космопорт. На горизонте виднелись огромные серебряные спасательные космические корабли, сияющие на солнце.

Папа объяснил мне, что куски, которые отломились от Молота, летят на Марс и на Луну, поэтому этим кораблям придётся отвезти нас дальше, в глубокий космос, где безопасно.

— Я хотел бы сидеть у окна, — говорю я, представляя, как мимо будут проноситься звёзды.

— Тебе стоит оставить места у окон для тех, кто младше, — отвечает папа. — Помнишь: мы все должны жертвовать своими интересами, чтобы жить вместе.

Мы сделали стенки из чемоданов, а сверху набросили на них простынки. Эти укрытия спасали от солнца и ветра. Каждый день приходили правительственные инспектора, проверяли, всё ли нормально и распределяли припасы.

— Потерпите, — говорили они. — Мы понимаем, что всё движется медленно, но мы делаем всё, что в наших силах. Места будут для всех.

И мы терпели. Некоторые женщины стали днём организовывать занятия с детьми, а мужчины составили очередь так, чтобы первыми на космолёты попали семьи с пожилыми родственниками и маленькими детьми.

Мы ждали четыре дня, и обещания чиновников начали звучать уже не так обнадеживающе. Среди людей поползли слухи.

— С космическими кораблями что-то не так.

— Их строители обманули правительство, сказали, что корабли готовы, а на самом деле — нет. И теперь премьер-министр не знает, как сказать правду.

— А я слышал, что там всего один космолёт, и только несколько сотен самых важных людей получают места. Все остальные корабли — просто муляжи для видимости.

— Они надеются, что американцы поменяют своё решение и построят больше космолётов для других стран, вроде нашей.

Мама подходила к папе и что-то шептала ему на ухо.

Папа качал головой и останавливал её:

— Не повторяй такие вещи.

— Но ради Хирото...

— Нет! — я никогда не слышал, чтобы папа говорил с такой злостью. Он помолчал, чтобы успокоиться, и продолжил: — Мы должны верить премьер-министру и силам самообороны.

Мама выглядела несчастной. Я подошёл и взял её за руку.

— Мне не страшно, — сказал я.

— И это правильно, — одобрил папа, в его голосе чувствовалось облегчение. — Нечего бояться.

Он поднял меня на руки — это меня немного смутило, ведь папа не делал так с тех пор, как я был совсем маленький, — и показал на тысячи и тысячи людей, которые теснились везде, где только мог видеть глаз.

— Посмотри, как нас здесь много, — уверенно говорил папа. — Старики, женщины, мужчины, дети. Тот, кто распространяет панику и сеет слухи в таком скопище людей, поступает эгоистично и очень неправильно. И в итоге многие могут пострадать. Мы должны помнить наше место и понимать, что мы видим только маленький фрагмент большой картины...

...Мы с Минди занимаемся любовью неспеша. Мне нравится вдыхать запах её тёмных густых кудрей, они шекочут нос, как свежая морская соль.

Потом мы лежим бок о бок и смотрим на экран на моём потолке.

Я снова и снова смотрю видео-ролик с уменьшающимся Солнцем. Минди работает в навигационной команде и специально для меня записывает видео в высоком разрешении.

Мне нравится представлять, что над нами стеклянная крыша, и мы лежим под звёздами. Я знаю, что у некоторых на экранах выставлены фотографии и ролики со старой Земли, но они меня всегда так печалят...

— Как сказать «звезда» по-японски? — спрашивает Минди.

— «Хоси».

— А как сказать «гость»?

— «Окякусан».

— Значит, мы «хоси окякусан»? Звёздные гости?

— Нет, немного по-другому, — отвечаю я.

Минди — певица, и ей нравится, как звучат другие языки. Как-то она мне сказала: «Трудно услышать музыку за словами, когда ты думаешь об их значении».

Первый язык Минди — испанский, но она помнит из него даже меньше, чем я из японского. Часто она просит меня говорить японские слова и влетает их в свои песни.

Я пытаюсь сложить для неё слова в стихи, но по-моему у меня не очень получается. «Вареваре ха, зоси но айда ни каику ни ките». То есть: «Мы пришли, чтобы стать гостями среди звёзд».

Я вспоминаю: «Есть тысячи способов, чтобы сказать что-то, — обычно приговаривал папа. — И каждый подходит именно для своего случая».

Он учил меня, что наш язык полон нюансов и гибкого изящества, каждое предложение которого — поэма. Как сталь

японских мечей, этот язык складывается из слоёв, и несказанные слова важны не менее, чем сказанные, контекст внутри контекста и смысл внутри смысла.

Хотел бы я, чтобы папа был рядом, и я мог спросить его, как сказать «Я потерял тебя» так, чтобы это соответствовало ситуации, когда тебе 25 лет, и ты — последний выживший из нации.

— Моя сестра, — говорит Минди, — обожала японские комиксы. Мангу.

Минди, как и я, — сирота. Это одна из тех вещей, которые притягивают нас друг к другу.

— Ты много помнишь о ней? — спрашиваю я.

— Нет. Мне было всего пять или около того, когда я попала сюда. А перед этим я помню только стрельбу, и как мы прятались в темноте, бежали, плакали и воровали еду. Она всегда пыталась успокоить меня, читая книги с мангой. И потом...

Я думаю: только один ролик я посмотрел всего раз. С высокой орбиты, на которой мы тогда находились, Земля, казалось, на какой-то момент вздрогнула от удара астероида, а затем бесшумные волны разрушения медленно расползлись и охватили всю планету...

Я притягиваю Минди к себе и, успокаивая, легонько целую в лоб.

— Давай не будет о грустном.

Она обнимает меня так крепко, как будто хочет больше никогда не отпускать.

— Ты помнишь что-нибудь из манги? — спрашиваю я.

— Помню, что там было полно гигантских роботов. И мне казалось, что Япония такая сильная страна.

Я пытаюсь представить себе огромных героических роботов в Японии, которые отважно спасают людей...

...Извинения премьер-министра транслировали через громкоговорители. Кто-то смотрел их через свои телефоны.

За исключением того, что у премьер-министра был слабый голос, и что он выглядел больным и слабым, я помню очень немного. Казалось, что он искренне переживает произошедшее. В конце своей речи он признался:

— Я подвёл людей.

Слухи обернулись правдой. Строители взяли деньги от правительства, но не сумели построить обещанные космические корабли. То, что они сделали, оказалось то ли недостаточно прочным, то ли недостаточно вместительным. Строители скрывали это до самого конца. И мы узнали правду слишком поздно.

Япония оказалась не единственной страной, которая не смогла спасти своих жителей. Другие, когда впервые стало ясно, что Молот столкнётся с Землёй, начали спорить, кто должен больше вложиться в общую эвакуацию. А после, когда этот план провалился, большая часть решила, что лучше будет отдаться на волю случая (а вдруг Молот пролетит мимо) и вместо этого потратить деньги и жизни граждан на войны с соседями.

Когда премьер-министр закончил речь, толпа сохраняла молчание. Было несколько сердитых возгласов, но вскоре они затихли. Постепенно и организованно люди начали паковать вещи и уходить из временных лагерей...

— ...И эти люди пошли домой? — недоверчиво спрашивает Минди.

— Да.

— И не было грабежей, панического бегства, взбунтовавшихся солдат на улицах?

— Это была Япония, — отвечаю я. И при этом в моём голосе звучит гордость, эхо гордости моего отца.

— Думаю, что люди смирились, — проносит Минди. — Они сдались. Наверное, это часть культуры.

— Нет! — я с трудом сохраняю ласку в голосе. Её слова ранят меня так же, как замечание Бобби о том, что играть в го скучно. — Всё было не так...

— ...С кем говорит папа? — спросил я. — Это доктор Гамильтон, — отвечает мама. — Мы (он, твой папа и я) учились в одном колледже в Америке.

Я смотрел, как папа говорит по телефону по-английски. Казалось, что это совершенно другой человек: и дело было не только в интонациях и тоне — лицо оживилось, жесты стали резче. Он был похож на иностранца.

Он кричал в телефон.

— Что говорит папа? — спросил я.

Мама шикнула на меня. Она внимательно слушала папу, ловя каждое слово.

— No, — сказал папа в трубку. — No, — это слово мне не надо было переводить.

Потом мама сказала:

— Он пытается поступить правильно, но по-своему.

— Он, как обычно, думает только о себе, — сердито ответил папа.

— Ты несправедлив, — сказала мама. — Он не стал звонить мне и делать из этого какую-то тайну. Вместо этого он позвонил тебе, потому что верит, что, если вы поменяетесь местами, он с радостью даст женщине, которую любит, шанс спастись, даже если она живёт с другим мужчиной.

Папа посмотрел на маму. Я никогда не слышал, чтобы мои родители говорили друг другу: «Я люблю тебя», но некоторые слова не надо произносить вслух, чтобы они оказались правдой.

Улыбаясь, мама сказала:

— Я бы никогда не сказала ему «да».

Потом она пошла на кухню готовить нам обед. Папа смотрел ей вслед.

— Сегодня хороший день, — сказал он мне. — Пойдём прогуляемся.

Мимо по улице проходили соседи. Мы здоровались, спрашивали друг друга о здоровье. Казалось, что всё нормально. А в сумерках над нашими головами всё ярче горел Молот.

— Наверное, ты очень боишься, Хирото — сказал папа.

— А будут ли пытаться построить больше спасательных звездолётов?

Папа не ответил. Вечерний летний ветер приносил стрекотание цикад: «Чиррр-чирр-чирррр». Вдруг папа произнёс:

*В стрекотаньи цикады
Нет намёка на то,
Что умрёт она скоро.¹*

— Что это, папа? — удивился я.

— Это стихотворение Басё. Ты понимаешь, о чём оно?

Я покачал головой. Мне не очень нравились стихи.

Папа вздохнул и улыбнулся мне. Он посмотрел на заходящее солнце и снова заговорил:

*Бесконечная красота
в угасающем свете Солнца,
Хоть день уж близится к концу.²*

Я повторил эти строчки про себя. Что-то в них трогало меня. Я попытался выразить это словами:

— Это как будто ласковый котёнок умывается у меня в сердце.

Папа не засмеялся, а вместо этого серьёзно кивнул.

— Это стихотворение классического поэта эпохи Тан, Ли Шаньиня. Хотя он был китайцем, по настроению оно очень японское.

Мы продолжали гулять, и я остановился у цветка одуванчика. Угол, под которым наклонился бутон, показался мне очень красивым. И в моём сердце снова появилось ощущение вылизывающегося котёнка.

— Цветок... — и я запнулся. Я не мог найти нужные слова.

Папа продолжил:

*Поникий цветок,
Жёлтый, как лучи Луны,
Тонко этой ночью.*

Я кивнул. Образ одновременно казался мне и таким мимолётным, и таким постоянным. Это было похоже на то, как я ощущал время, когда был младше. И это

заставляло меня немного грустить и радоваться одновременно.

— Всё проходит, Хирото, — произнёс папа. — То чувство в твоём сердце, оно называется «моно-но аварэ». Это ощущение бренности всего в жизни. Солнце, цикада, Молот, мы сами; всё это — члены уравнений Джеймса Клерка Максвелла, и всё это эфемерные структуры, которым предназначено исчезнуть, чему-то всего за секунду, а чему-то за эон.

Я оглянулся вокруг: чистые улицы, медленно идущие люди, трава, вечерний свет, и я знал, что всё занимает своё место; всё было в порядке. Папа и я продолжали идти рядом, и наши тени касались друг друга.

И хотя Молот висел прямо над нашими головами, я не боялся...

...В мою работу входит наблюдать за россыпью индикаторных лампочек. Панель передо мной немного похожа на гигантскую доску для игры в го.

Большую часть времени это чрезвычайно скучное занятие. Огоньки отмечают напряжение различных участков солнечного паруса, с периодичностью в несколько минут они загораются и гаснут по одной и той же схеме, которая соответствует тому, как мягко изгибается солнечный парус под истончающимся светом далёкого светила. Я знаю этот повторяющийся ритм так же хорошо, как дыхание спящей Минди.

Мы уже достигли хорошей доли скорости света. Ещё несколько лет — и будем двигаться с такой скоростью, что сможем направиться к 61 Девы и её первозданным планетам, оставив Солнце как забытое детское воспоминание.

Но сегодня ритм огоньков вдруг изменился. Было ощущение, что один из индикаторов в юго-западном углу мигает на какую-то долю секунды быстрее.

— Навигационная служба, — произношу я в микрофон, — говорит станция аль-

фа слежения за парусом. Подтвердите, что мы на правильном курсе.

Минуту спустя в наушниках слышится голос Минди, в нём чувствуется небольшое удивление.

— Мы немного отклонились от курса. Что случилось?

— Пока не знаю.

Я смотрю на панель перед собой: один упрямый огонёк, мигающий не в такт, выходящей из общей гармонии...

...Мы с мамой поехали в Фукуоку без папы. Она объяснила:

— Мы собираемся за подарками на Рождество. Мы хотим сделать тебе сюрприз.

Папа улыбнулся и покачал головой.

Мы шли по улицам, забитым людьми. Это было последнее Рождество Земли, и в воздухе не витало особенного веселья.

В метро я увидел газету, которую держал в руках мужчина, сидевший рядом с нами. Заголовок был такой: США НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР. На большой фотографии триумфально улыбался американский президент. Ниже было несколько других фотографий, кое-какие я видел и до этого: первый экспериментальный американский спасательный звездолёт взрывается во время испытательного полёта несколько лет назад; лидер какой-то страны-изгоя, берущий на себя ответственность за теракт, перед телекамерами; американские солдаты, марширующие по улицам столицы этого государства.

На следующем листе была небольшая статья: АМЕРИКАНСКИЕ УЧЁНЫЕ СОМНЕВАЮТСЯ В КОНЦЕ СВЕТА. Папа рассказывал, что некоторым людям проще верить, что катастрофа нереальна, чем принять то, что ничего сделать невозможно.

Я ждал, когда мы начнём выбирать подарок для папы. Но вместо того, чтобы пойти в магазин электроники, как я предполагал, мы отправились в такой

район города, где я раньше никогда не был. Мама достала телефон и сделала короткий звонок, разговаривая по-английски. Я с удивлением смотрел на неё.

Потом мы остановились перед зданием с большим американским флагом. Мы вошли внутрь и сели в комнате. Вошёл американец. Его лицо было печальным, но он изо всех сил старался не выглядеть грустным.

— Рин, — американец произнёс имя мамы и остановился. В этом слого слышалось сожаление, тоска и какая-то запутанная история.

— Это доктор Гамильтон, — сказала мне мама.

Я кивнул и протянул руку, чтобы пожать его ладонь. По телевизору в американских фильмах я видел, что так принято в США.

Доктор Гамильтон и мама говорили некоторое время. Потом она заплакала, а доктор Гамильтон неловко стоял, как будто ему хотелось обнять её, но он не осмеливался.

— Ты останешься с доктором Гамильтоном, — сказала мне мама.

— Что?

Она сжала меня за плечи, наклонилась и заглянула в глаза.

— У американцев есть секретный корабль. Перед войной они успели запустить на орбиту всего один звездолёт. Доктор Гамильтон разрабатывал этот корабль. Он мой... старый друг и может взять на борт с собой одного человека. Это единственный шанс для тебя.

— Нет, я останусь.

В конце концов мама открыла дверь, чтобы выйти. Доктор Гамильтон крепко держал меня, а я кричал и пинал его.

Мы все были ошарашены, когда увидели, что в дверях стоит папа.

Мама зарыдала.

Папа обнял её, до этого я никогда не видел, как он это делает. Это выглядело очень по-американски.

— Извини, — сказала мама. Она плакала и повторяла: — Извини.

¹ — перевод В. Мендрина.

² — здесь и далее стихи в переводе И. Сенникова.

— Я понимаю, всё правильно, — ответил папа.

Доктор Гамильтон отпустил меня, и я подбежал к родителям и крепко обнял их обоих.

Мама посмотрела на папу и этим взглядом сказала всё и одновременно ничего.

Папино лицо перестало быть лицом восковой куклы и снова ожило. Он вздохнул и посмотрел на меня.

— Ты ведь не боишься? — спросил он.

Я покачал головой.

— Это правильно, что ты улетаешь, — сказал он. Он посмотрел в глаза доктора Гамильтона: — Спасибо, что ты помогаешь моему сыну.

Мама и я посмотрели на него с удивлением.

Одуванчики.

Бриз разбрасывает семя

Поздней осенью.

Я кивнул, пытаюсь понять, что случилось. Папа быстро и крепко обнял меня.

— Помни, что ты — японец.

И они ушли...

— ...Что-то продырявило парус, — говорит доктор Гамильтон.

В тесной комнате был только старший командный состав и мы с Минди, потому что уже были в курсе. Не стоило сеять панику среди команды и пассажиров.

— Эта прореха сбивает корабль с курса. Если не заделать её, дыра будет расширяться, в конце концов парус развалится, и «Надеющийся» будет дрейфовать в космосе.

— Мы можем как-то заделать её? — спрашивает капитан.

Доктор Гамильтон, который всё это время был мне как отец, качает седой копной волос. Я ни разу не видел его таким подавленным.

— Прореха в нескольких сотнях километров от центра паруса. Понадобится много дней, чтобы кто-то добрался до неё.

Двигаться слишком быстро опасно, очень велик риск повредить парус. А к тому моменту, когда этот человек доберётся до дыры, она станет уже слишком большой, чтобы заделать её.

Так получилось. Всё преходяще. Я закрываю глаза и представляю парус. Плёнка такая тонкая, что любое неосторожное прикосновение может проткнуть её. Но она крепится на сложной системе планок и распорок, которая обеспечивает жёсткость и натяжение всей конструкции. Когда я был ребёнком, я видел, как её раскладывают в космосе, это напоминало фигурки оригами, которые складывала мама.

Я представляю, как прикрепляю и открепляю трос к планкам и распоркам, двигаюсь вдоль паруса, это чем-то похоже на то, как водомерка скользит по поверхности пруда.

— Я могу сделать это за семьдесят два часа, — наконец произношу я. Все поворачиваются ко мне. Я объясняю задумку: — Я знаю, по какой системе соединены распорки, я наблюдал за ними большую часть жизни. И я могу найти самый короткий путь.

Доктор Гамильтон в сомнении.

— Эти распорки не предназначены для таких манёвров. Я не планировал, что их будут использовать таким образом.

— Тогда будем импровизировать, — говорит Минди. — Чёрт побери, мы же американцы! Мы никогда не сдаёмся.

Доктор Гамильтон с уважением смотрит на неё:

— Спасибо, Минди.

Мы планируем, мы спорим, мы кричим друг на друга, мы работаем ночь напролёт.

Добраться по тросу от жилого модуля до солнечного паруса — трудное и долгое дело. Я затратил на него почти двенадцать часов.

Я был живой иллюстрацией ко второму слогу моего имени:

翔羽

Он означает «парить». Видите, что-то поднимается слева? Это я, пристёгнутый к тросу. Из шлема торчит пара антенн, а на спине у меня крылья — что, в данном случае, означает ракетные двигатели и дополнительные топливные баки, которые поднимают меня всё выше и выше к огромному и тонкому как шёлк зеркальному куполу солнечного паруса, закрывающего всё небо.

Минди болтает со мной по радиации. Мы шутим, делимся секретами, обсуждаем вещи, которые сделаем в будущем. Когда мы уже не можем ни о чём говорить, она поёт мне. Её задача не дать мне заснуть.

— Вареваре ха, зоси но айда ни каику ни ките...

Но подъём — это самая простая часть путешествия. Добираться через сеть распорок паруса к прорехе будет гораздо тяжелее.

Я покинул корабль тридцать шесть часов назад. Сейчас голос Минди звучит уже устало. Она зевает.

— Спи, детка, — шепчу я в микрофон. Я настолько вымотался, что мне хочется закрыть глаза хотя бы на секундочку...

...Летний вечер, я иду по дороге с папой.

— Мы живём в краю вулканов и землетрясений, тайфунов и цунами, Хирото. Каждый день мы сталкиваемся с тем, как ненадёжна наша жизнь на узкой полоске поверхности этой планеты между подземным жаром и ледяным вакуумом сверху...

...И я снова в скафандре, и снова один. Секундная потеря концентрации чуть не стоила мне одного из топливных баков, я почти потерял его, когда стукнулся рюкзаком об одну из балок паруса. Я вовремя успел подхватить бак. Чтобы двигаться быстрее, в моём снаряжении нет ни грамма

лишнего, и я не позволю себе потерять хоть что-то. У меня нет права на ошибку.

Я пытаюсь отогнать дрему и продолжаю двигаться...

— ...Но именно это осознание близости смерти, бесконечной красоты каждого мгновения, позволило нам выжить. Моно-но аварэ, сынок, это эмпатия со вселенной. Это душа нашей нации. Благодаря этому мы пережили Хиросиму, оккупацию, все лишения и угрозу полного уничтожения, не теряя силу духа...

— Хирото, проснись!

Голос отчаявшейся Минди звучит уже умоляюще. Я резко проснулся. Как долго я не спал? Два дня? Три? Четыре?

Чтобы преодолеть последние пятьдесят или около того километров мне придётся отпустить распорки и, используя только ракетные двигатели, скользить над поверхностью паруса, который в это время движется с большой долей скорости света. Даже при мысли об этом у меня кружится голова.

И неожиданно отец снова рядом со мной в космосе, под парусом. Мы играем в го.

— Посмотри в левый нижний угол. Видишь, твоё войско разделено на две группы? Скоро мои белые камни окружат и захватят одну из них целиком.

Я смотрю туда, куда он показал, и вижу фатальную ошибку. Я пропустил пересечение. И то, что мне казалось единым войском, на самом деле две группы камней, между которыми зияет промежуток. Я должен закрыть это пересечение следующим ходом.

Я отгоняю видение. Я должен закончить дело, а потом смогу поспать.

Передо мной дыра в парусе. На скорости, с которой мы двигаемся, даже малюсенькая песчинка, проскользнувшая через ионные щиты, может привести к катастрофе. Солнечный ветер и давление электромагнитного излучения заставляют рваные края прорехи колебаться. Сам по себе один фотон ничтожно мал и даже не имеет массы, но вместе они могут приводить огром-

ный как небо парус в движение и нести тысячи людей вперёд.

Вселенная — удивительное место.

Я поднимаю чёрный камень и готовлюсь поставить его на доску, чтобы соединить моё войско.

Камень превращается в комплект для наложения заплаты из моего рюкзака. С помощью двигателей я маневрирую над прорехой. Через дыру я вижу звёзды, те самые, которые никто из корабля не видел уже много лет. Я смотрю на них и думаю, что около одной из них когда-нибудь случится такое, что человечество, сплавившееся в новую нацию, восстанет от почти полного исчезновения и засияет с новой силой.

Я аккуратно подготавливаю всё для наложения заплаты. Затем включаю горелку. Провожу ею над заплатой и чувствую, как материал плавится и соединяется с углеводородными цепями плёнки паруса. Потом мне надо будет поверх этого нанести распылённые атомы серебра, чтобы сформировать тонкий отражающий слой.

— Получается, — произношу я в микрофон. Я слышу приглушённые звуки радости на заднем фоне.

— Ты герой, — говорит Минди.

Я представляю себя гигантским японским роботом из манги и улыбаюсь.

Горелка начинает сбоить, и, наконец, пламя гаснет.

— Смотри внимательно, — говорит папа. — Ты хочешь закрыть эту дырку следующим камнем. Но так ли ты должен поступать на самом деле?

Я трясу топливный бак, присоединённый к горелке. Пусто. Это тот самый бак, который я стукнул об одну из распорок паруса. Должно быть, это вызвало течь, и теперь в нём не хватит топлива, чтобы заделать дыру до конца. Заплата присоединена только наполовину и висит свободно.

— Возвращайся, — говорит доктор Гамильтон. — Возьмёшь ещё топлива и попробуешь снова.

Я измотан. Как бы я ни хотел, второй раз я не смогу добраться сюда также быстро. И кто знает, как сильно разрастётся дыра к этому моменту? Доктор Гамильтон понимает это не хуже меня. Он просто хочет, чтобы я вернулся в безопасное тепло звездолёта.

Но у меня ещё есть топливный бак для обратной дороги...

На лице моего отца ожидание.

— Я понял, — говорю я медленно. — Если я поставлю следующий камень на это пересечение, у меня не будет возможности спасти маленькую группу в правом верхнем углу. И ты захватишь их.

— Один камень не может быть сразу в двух местах. Ты должен выбирать, сынок.

— Скажи, как мне поступить?

Я ищу ответ на лице отца.

— Посмотри вокруг, — отвечает папа. И я вижу маму, мисс Маэду, премьер-министра, всех наших соседей из Курюма, всех людей из Кагосимы, вместе с которыми мы ждали звездолётов, с Кюсю, с четырёх островов, со всей Земли и с «Надеющегося». Они смотрят на меня и ждут, что я сделаю.

Вдруг слышится спокойный папин голос:

Звёзды сверкают.

Мы гостями приходим,

Смайлик и имя.

— У меня есть решение, — говорю я доктору Гамильтону по связи.

— Я знала, что ты что-нибудь придумаешь, — в голосе Минди счастье и гордость.

Доктор Гамильтон секунду молчит. Он знает, что я придумал.

— Спасибо, Хирото.

Я открепляю бесполезный бак от горелки и присоединяю её к ёмкости с топливом у меня на спине. Пламя яркое, ровное, как лазерный клинок. Под моими руками атомы и фотоны сплетаются в сеть из крепости и пламени.

Звёзды на другой стороне снова запечатаны. Зеркальная поверхность паруса безупречна.

— Корректируйте курс. Я закончил, — говорю в микрофон.

— Принято, — это доктор Гамильтон.

Его голос — голос опечаленного человека, который пытается скрыть грусть.

— Вначале ты должен добраться назад, — говорит Минди. — Если мы сейчас изменим курс, ты не сможешь вернуться.

— Всё нормально, детка, — шепчу я в микрофон. — Я не вернусь. У меня не хватит горючего.

— Мы пойдём к тебе!

— Вы не сможете ориентироваться среди распорок так быстро как я, — говорю я нежно. — Никто не ориентируется в их системе лучше меня. А когда вы доберётесь до меня, у меня уже закончится кислород.

Я жду, пока она успокоится.

— Давать не будем говорить о грустном. Я люблю тебя.

Потом я выключаю передатчик и, отталкиваясь, отлетаю от паруса, чтобы они даже не пытались снаряжать бесполезную спасательную экспедицию. И я падаю, всё дальше и дальше отдаляясь от паруса.

Я наблюдаю, как парус отступает, открывая звёзды во всём их великолепии. Свет Солнца уже такой слабый, что сейчас оно выглядит просто как ещё одна звезда среди многих других, никогда не заходящих и никогда не восходящих. И я в полном одиночестве среди звёзд, но одновременно я наедине с ними.

Язык котёнка щекочет мне сердце...

Я ставлю камень в промежуток.

Папа ходит так, как я думал, и брошенные на произвол судьбы камни в верхнем левом углу потеряны.

Но основная группа спасена. И, может, в будущем они преуспеют.

Я слышу голос Бобби: «Может быть, и в го есть герои».

Минди назвала меня героем. Но я был просто человеком, оказавшимся в нужное время в нужном месте. Доктор Гамильтон тоже герой, потому что он спроектировал «Надеющейся». Минди — тоже герой, по-

тому что не давала мне заснуть. Моя мать — тоже герой, потому что она отдала меня, чтобы я сумел выжить. Мой отец — тоже герой, потому что он научил меня, как поступать правильно.

Нас определяет место, которое мы занимаем в сети жизни других людей.

Гобан становится всё меньше и меньше, камни сливаются в огромный рисунок меняющейся жизни и пульсирующего дыхания. Один камень — не герой, но вместе они могут совершить подвиг.

— Прекрасный день для прогулки, не так ли? — говорит папа.

И мы идём по улице так, чтобы запомнить бесконечную красоту каждой травинки, каждой капли, каждого тусклого лучика заходящего солнца...

Перевёл с английского Илья Суханов.

Ken Liu, «Mono no aware», 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в сборнике «The Future is Japanese», 2012.

Илья Суханов Бумажный тигр

Перебирая бисеринки чётки сухих биографических фактов о Кене Лю, трудно отделаться от ощущения, что читаешь историю исполнения американской мечты. Родился в 1976 году в Китае, в Ланьджоу. Перебрался с семьёй в США.

Получил степень бакалавра по специальности английская литература в старейшем американском университете, Гарварде. Поработал программистом в Майкрософт, потом — в технологической стартап-компании в Массачусетсе. Затем изучал право в Гарварде. А в настоящее время трудится юридическим консультантом, помогая компаниям решать патентные конфликты.

Вроде бы карьера не располагает к занятиям литературой, но параллельно со всем этим Кен постоянно пишет фантастику. Его литературный дебют приходится на 2002 год. Рассказ «Carthaginian Rose» («Карфагенская роза») стал лауреатом конкурса Фобос и был опубликован в антологии Орсона Скотта Карда «Empire of Dreams and Miracles: The Phobos Science Fiction Anthology (v. 1)». А уже в 2003 следующий рассказ «Gossamer» («Паутинка») выходит в финал известного конкурса «Писатели будущего» и опубликован в антологии, составленной из его финалистов «Writers of the Future, Vol. 19». В этот период Кен

Илья Суханов родился в 1982 году. Кандидат медицинских наук, работает в Итальянском Институте Технологий. Администратор сайта Лаборатория Фантастики. Живёт в городе Генуя (Италия).

пишет мало и очень медленно. Сам он говорит об этом так: «Я погружался в работу только над одним рассказом и, получая отказ, очень расстраивался. И вместо того, чтобы начинать писать новую историю, я занимался тем, что раз за разом перерабатывал старую, пытаюсь исправить то, что не получилось». Отказ следует за отказом, за следующие 5 лет у Кена было опубликовано всего 3 рассказа. Молодой писатель начал уже отчаиваться, но в 2009 году составители антологии «Thoughtcrime Experiments» («Мыслепреступные эксперименты») покупают у него права на рассказ «Single-Bit Error» («Ошибка в одном разряде»). Это становится поворотным моментом, в своём интервью Кен вспоминает об этом: «Я не могу передать, как много значило эта публикация для меня. Факт, что кому-то понравился мой рассказ после стольких лет отказов, заставил меня осознать, что наконец-то я сумел найти издателя, который прочёл и принял мой рассказ. Для меня это оказалось достаточно. Я почувствовал себя свободным для того, чтобы экспериментировать, писать то, что мне хочется, а не волноваться о том, как соответствовать вкусам какого-то мифического протоиздателя или рыночной конъюнктуре. Я вернулся к писательству — и, удивительное дело, мои рассказы стали находить покупателей». В это же время Кен меняет подход к написанию рассказов, и теперь, не сосредотачиваясь только на одном, одновременно работает над несколькими. В 2010 выходит 4 рассказа, а в 2011 другая молодая англоязычная писательница Алиетт де Бодар иронично подмечает, что «по сути (Кен Лю) был везде». 16 опубликованных повестей и рассказов, номинации на все крупнейшие фантастические награды и, наконец, триумфальный успех «Бумажного зверинца», впервые в истории получившего не только «золотой дубль» (премии Хьюго и Небьюлу), но и Всемирную премию фэнтези. Считать дальше публикации и номинации — дело уже бессмысленное. Отметим лишь, что

только что прочитанный вами рассказ номинирован на Хьюго и премию журнала Locus.

Кен Лю не признаёт жанровых рамок, он считает, что пишет и для любителей научной фантастики, и для фанатов фэнтези, и для читателей литературного мейнстрима. Это роднит его с другим «азиатским тигром» современной американской фантастики, Тедом Чаном. Но если у Чана главным в творчестве является какая-то идея, вокруг которой он выстраивает повествование, раскрывая её во всей полноте, то центральным звеном в рассказах Кена Лю является обычный человек, а фантастическая идея — лишь способ показать его в необычных ситуациях. Здесь кажется уместным упомянуть еще одну маленькую черту из биографии Кена Лю: его хобби — коллекционирование и реставрация старых пишущих машинок. Может быть, она немного объясняет ностальгическое звучание рассказов автора, порой заставляющих вспомнить лучших представителей американской фантастики 1960-х годов.

Литературная деятельность Кена Лю не ограничивается только стезей писательства. Благодаря знанию языка, он очень активно занимается переводами научной фантастики с китайского на английский. В его активе около десятка переведённых рассказов, а сейчас он активно работает над переводом первого романа трилогии «Проблема трёх тел» (2008) самого, пожалуй, известного современного китайского фантаста Лиу Чиксина. Как считает Кен Лю, переводы и чтение книг на другом языке — очень полезная для писателя привычка, потому что «она позволяет найти свежие способы, как выразить свои идеи». Он отмечает, что фантастика на китайском очень серьёзно повлияла на его творчество. Ведь именно благодаря этим книгам он начал изучать историю и литературу Восточной Азии, ставшие одним из центральных тем его собственного творчества. Так, сейчас в соавторстве с

женой Кен работает над романом в жанре, который он сам обозначает как «силк-панк» (от английского «silk» — шёлк), действие которого будет происходить на фэнтезийном архипелаге, имеющем ярко-выраженные черты эпохи развития Восточной Азии, предшествующей веку пара. Сам сюжет будущего романа основан на китайских легендах о восхождении к власти династии Хань.

Рассказы Кена Лю, как и произведения многих американских и европейских авторов, получивших известность в последние годы, практически не переводились на русский. На данный момент в России, в одном из последних номеров журнала «Если», был опубликован рассказ «Исчисляемый», а в ноябре 2012 в 20-ом номере он-лайн журнала «Даркер» выложен перевод «Бумажного зверинца».

Кен Лю на вручении премии Хьюго 2012 г.

Сергей Легеза

Во тьме, где свет

О словах Малышки Берты я вспомнил, как мы в Ольц вошли.

«Держись поближе к Петеру Стручку: как придёт время, будет ему благословение, а тебе — спасенье», — вот как сказала наша пророчица, прежде чем от нас сбежать. А только как мы в Ольц вошли, Стручок получил пулю в брюхо, а нож — под ребро.

Было это так: город держали эльзасцы — самая сучья порода меж гансами. Уж такое подлейшее племя, что и в спину ударят, и колодец отравят, и в суп наплюют, только отвернись не ко времени. Но если встанут в открытом бою — так стоят до последнего, что б там ни было.

Ну и, понятное дело, на стены посылали нас, чёрную кость: и то ведь, не рейтарам же кровь свою лить, раз зольднеры под рукою! А нас ведь, наёмного войска, собралось тысячи под три, да и военного же люда при баронах да князьях никак не меньше: хочешь — воюй, хочешь — режь! Капитан наш сходил, послушал, что там бла-

Сергей Легеза родился в 1972 году. Кандидат исторических наук, работает на кафедре социологии ДНУ. Автор десятка опубликованных рассказов, переводчик с польского. Живёт в Днепрпетровске.

городные рядили, да и говорит: попробуем-ка, ребятки, сделать по-своему — хуже не будет, а выгоду можно поиметь. Опять же, Ольц — городок зажиточный, жалко такой на ветер пускать, рук не погрехи.

А тут вот какое дело: дней за несколько до всей истории (а под стенами мы стояли с неделю, со дня святой Бригитты, кажется) схватили дозорные нескольких перебежчиков — думали сперва за так вздёрнуть, да Мягкий Химмель не позволил. Приставил стражников, сам с ними беседовал долгонько... Что там выяснил, о чём узнал — нам не докладывал, да только у Якоба Бурша морда после тех разговоров была словно у кота, которого маслице оставили охранять. Двоих из пойманных, впрочем, всё же сговорили с «весёлой вдовой», вздёрнули рядом.

Двоих — вздёрнули, а ещё трое — как сквозь землю сгнули. А теперь Мягкий Химмель велел сниматься с места и по утреннему туману ползти к самой стене, под западную башню: и будет нам, мол, воинская удача.

В общем, город взяла не сила, но хитрость, и к утру зольднерская братия оседлала стену, сметя эльзасцев. Встали мы там крепко, дожидаясь, пока свой братландскнехт на стены-то взойдёт. Эльзасцы же откатились было, да потом зубы стиснули — и на нас попёрли. В общем, помахать и мечом, и кошкодёром пришлось в то утро сполна — за всю неделю осады.

Добро ещё, что братья-зольднеры не подвели: оседлали стену, пробились к воротам — а там уже и прочий оружный люд под нашу фортуна свои песенки запел. В общем, солнце ещё в зенит не встало, как город был, считай, наш: «башмаки» только ратушу да тюрьму сумели удержать — в Ольце тюрьма крепкая оказалась, даром что вольный город.

Да только что камень против пороха? Пфальцграфовы люди подтащили пушечку, та рывкнула раз-другой — и в пробитые двери ринулись кнехты с клинками наперевес. Эльзасцы, видать, поняли, что кост-

лявая заявила, да и подпалили ратушу, а сами поперли из всех дверей да окон.

Вот тогда-то к Стручку смерть и пришла: как мы от гансов отбились — кого приколотили, а кого и распотрошили, — тут я и заметил, что с Петером случилось. Лежал он, выставив в небо бородку клинышком, и нос его тувелькой, над которым зольднеры так потешались, сделался уже жёлтым и восковым.

Тут-то я и вспомнил Малышкины слова.

Присел, закрыл глаза Стручку, руки на груди ему сложил: ну, думаю, если это — благословение, так о своём спасении и думать боязно.

А тут ещё наши с баронскими рейтарами нож в нож встали: снова свела нас нелёгкая. К барону у нашей компании свой счёт был: дважды уже нарушал он данное зольднерам слово, и дважды едва до смертоубийства не доходило. А братство-то наше, зольднерский круг, таково, что о зле мы, может, слова лишнего не скажем, но запомним — всё. Первый раз барон под Фрауэнбургом нас подвёл, когда довелось нам епископскую жизнь охранить от гансов — не то даже, что оставил без помощи, а то, что ходил меж наших слушок, будто был барон с «башмаками» в сговоре против епископской власти. А второй раз, когда — вскорости после фрауэнбургской истории — сошлись мы с ним не за жизнь уже, а за плату: денег тогда из него вырвать удалось, да только обиды нам барон не спустил — пушечку нашу, Похотливую Матильду, тогда-то мы от него и не сумели сберечь. И вот теперь по всему выходило, что в третий раз судьба была нам пересечься на узкой военной тропке.

В ратном же деле, всякий о том скажет: кто в город первым вошёл, тому и выбирать, что с «башмаков» взимать за кровавую цену — сам Господь им страдать, да искупать нашу пролитую кровушку своим крамом да богатством велел.

А только бароновы люди в воротах, да наших никого в город пускать не желали, пока сами не возьмут баронову десятину. Наш брат-зольднер (и капитано-

вы люди, моя компания, и вообще всяк из ландскнехтов, кто на стене первой княжеских людей встал), конечно, за пики схватились — едва до новой крови не дошло. Да Господь смилостивился.

Довелось и мне тем днём в переделку попасть: Клаус Хинк наших в старшинский квартал повёл — подтопить жирок отцам города. И надо ж такому случиться — снова нос к носу столкнулись мы там с баронскими горлорезами. Да не абы с кем, а с самыми отпетыми, с «козличами», как их по знамени ихнему дразнили. А всё потому, что на знамени их вышит был на красном фоне чёрный козёл вида самого сатанинского. Сами же они себя звали «светлыми братьями», намекая, как шептали, на люциферово воинство. Когда барон нашу компанию окормлял, мы с ними лишь единожды имели дело, да и одного раза хватило за глаза: кровь людскую «козлича» лили, что твою воду. Да не просто лили, а с изобретательностью и отчаянием такими, что и сказать-то жутко, хоть я видал и сделал за свою жизнь немало такого, чего не отмолить и за сто лет.

В общем, приглянулся нам дом в старшинском квартале: мы и зашли. Мол, отчего бы хозяевам не оплатить кровавый пот да ратные увечья воинскому братству? А на случай, когда б не захотели — нашлось бы у нас, чем упросить несговорчивых.

Да только, как оказалось, успели их до нас уговорить — и уговорить намертво.

Первое, что увидели мы, войдя в дом, был сам хозяин: мёртвый, да ещё и распятый на дверях вниз головою, с костылями, вбитыми в запястья и лодыжки. Внизу, на полу, всё заплывало кровью из взрезанного горла.

Нас шестеро с Хинком было, и все сразу схватились за оружие: уж больно дурным был вид даже для города, едва-едва захваченного зольднерами. И тут из-за двери шагнул, почёсываясь, рыжий бородатый кнехт в распахнутом камзоле и с измазанными кровью руками, а сверху, куда взбежала крутая дубовая лестница, кто-то протряжно и страшно закричал.

Кнехт нас увидел не сразу, а как увидел — ничего поделывать не успел: его сшибли на пол и придавили сапогом, словно жабу. Флориан Родимчик, не снимая тяжелого сапога со спины, оттянул за кудрявые вихры голову кнехта и приставил к шее кошкодёр: «Только пикни!» — шепнул. А мы, за Хинком вслед, бросились по лестнице.

Была там спальня, а в спальне — ещё трое кнехтов, окровавленная жёнка без одежды, забившаяся в угол, и мальчонка со связанными руками. Кричал как раз он, а кнехты... Впрочем, довольно будет и того, что скажу: как мы всё увидели, напали не раздумывая и не мысля о последствиях.

Я в себя пришёл, только когда никто из тех кнехтов на ногах уже не стоял: один, правда, пускал ещё кровавые пузыри, да мелко прихихикивал, несмотря на раны. Да ещё тихонько стонали пацанёнок с жёнкой: сидели, обнявшись, да глядели на нас чёрными безумными глазами. У жёнки, как помню, раз за разом дёргало голову, и мокрая прядь, висшая на глаза, поддрагивала следом.

— Вот сучье племя, — сказал вдруг Хинк. — Это ж из «козлиц» рубачки, бароновы подонки.

А тот, что хихикал, приподнялся на локте, да прохрипел:

— Что, вояки, обделались? Правильно, тряситесь: я вас окороком с боков ваших накормлю — ночь не успеет наступить.

— Ну, это навряд ли, — сказал Хинк.

Кивнул, и я, присев над бароновым человеком, полоснул того по горлу.

Потом поднялся и сплюнул на пол.

А пока мы наверху резали баронских наёмников, тот, которого оставили внизу, сбежал: вывернулся хитрым бесом, пнул Родимчика, да и был таков. Наши погнались было, да где тут в захваченном городе разыскать одинокого зольднера! Вокруг гам, крики, пух да перья летают, а на улицах — и горожане, и княжеское войско, и свой брат-ландскнехт: все красные, потные, обвешанные хламом, задымленные да прокопчённые. В общем — упустили мы баронского прихвостня.

Ну, Хинк на то рукою махнул: придёт, мол, время — тогда и разберёмся. Одно только и приказал, чтоб держались вместе. Ну, это-то мы и сами понимали — не молокососы.

В том доме, кстати, мы вдосталь на шестерых взяли, да и на трупах бароновых горло-резов нашлось чем поживиться: и рыжьём, и монетами. В общем, в лагерь вернулись засветло ещё. А там — хоп! — капитан меня к себе зовёт. Надобно б, мол, брат Хлотарь, помочь наших схоронить: уже, дескать, и местечко подобралось.

А надобно сказать, что хотя мы, зольднеры, народ и не христолюбивый, однако ж, посмертие всяк бы себе хотел обустроить наилучшим образом. Мягкий Химмель наш, по крайней мере, всегда за таким старался следить.

Вот и в этот раз он нашёл неподалёку от стен Ольца часовенку — святой, что ли, Марты: там, дескать, помершим братьям всё спокойней будет. Ну а троих наших — меня, Йоргена Хольцзеена, дружка моего, да Клауса-Три-Глаза — направил в помощь да в пригляд: на всякий на случай. А с нами подвода с мертвяками, могильщи-

ки да капеллан наш, отец Экхард, хромой да трухлявый, с требником за поясом да с плешью на голове.

Всего в том бою наших немного погибло — человек шесть: фортуна в тот день капитану не сквозь зубы улыбалась, а во весь оскал. Ранеными, правда, куда больше лежало, и многие потом преставились, но пока что наши мертвяки, как говорено уже, поместились в одну подводу.

Ну, накрыли их рядом да поехали. Вернее, подвода с мертвяками — по себе, а мы — по себе, рядышком, пёхом. Три-Глаза пику прихватил, а мы с Йорगेном при мечачах да кошкодёрах остались. Даже аркебузы не взяли — чего, мол, когда город наш, а вокруг города тысяч шесть своего оружного люду?

Отец Экхарт на передок подводы уселся, да и задремал. Мы же — шли не торопясь, вразвалку. Разговоры говорили: время к закату, солнышка уже не видать за деревьями, хоть и не закатилось ещё, в небе ни облачка, и только ярим бесовским огнём горела над тропой Вечерняя звезда, Люцеферов глаз.

Вот тогда-то я о словах Малышки Берты во второй раз и вспомнил: вот, говорю Йоргену, уж насколько мы провидице нашей доверяли, и уж сколько раз от беды нас сберегла, а нашлась дыра и на её заплатку. И, слово за слово, рассказал об обещаньи Берты, да о том, как повернулось оно нынче.

Йорген бороду поскрёб: ну, говорит, мало ль как оно ещё обернётся.

А что тут глядеть, когда Стручок — здесь, на подводе, синий уже?

И тут Три-Глаза говорит:

— Да и не такое, братья-зольднеры, случается. Я вот что слышал...

И рассказал нам, как в городке Фалькенау жило двое соседей, крепко не друживших при жизни: то один другому луг бычками потравит, то другой первому песку в зерно насыплет. Так и прожили жизнь, словно кошка с собакой. А потом, в одну, говорят, неделю — пришла им пора предстать пе-

ред Господом. Схоронили их, отпели, как вдруг: некие шумы да перебранка на кладбище, где зарыты оба (а хоронили, надо сказать, рядышком, по-соседски). Ночь — шумят, другую — шумят, неделя прошла — всё никак покоя нету. Воззвали к патеру: тот скрипел, ругался, но глаза закрыл, когда могилу вскрыли.

— И что ж оказалось? — довольно весело говорит Три-Глаза. — Лежат покойники спиной к спине, да толкаются тем, из чего спины растут: никак им, от обоюдных обид, и в посмертии покоя нету. Так что, — закончил, почёсывая брюхо, — порой и могила для людских отношений не преграда.

— Типун тебе на язык, — перекрестился капеллан, прислушивавшийся, как оказалось, к разговору.

А Три-Глаза заржал довольно (звали его так из-за старой колотой раны на лбу; тянула брови вниз, отчего даже когда смеялся, оставался суров на вид).

До места, что капитан наметил для погребения, успели засветло. Огляделись мы с Йорगेном: и вправду доброе местечко. Стояла часовня на холмике — старая, без пригляду, но чистенькая. На стенах барельеф — времён Рыжего Фридриха, небось: страсти святой Марты, Господень суд, Пресвятая Богородица, защищающая грешников (были здесь и монархи, и монахи, и купцы, и малые дети).

Вот сразу за часовенкой, под деревьями, и решили могилу копать.

— Да, — сказал, сбив на затылок берет Йорген, — в таком месте и я б лечь не отказался, когда срок выйдет землю топтать.

Пока могильщики трудились над яминой, а отец Экхард осматривал часовенку, мы втроём сидели под телегой и лениво переговаривались. Помнится, вспоминали, когда и как Малышка Берта спасала наши жизни, предрекая, что ждёт нас в будущем. Вернее сказать, говорили мы с Йорगेном вдвоём, поскольку Три-Глаза пристал к нашему братству недавно и толком ничего о Берте не знал: только прихохатывал, нас слушаючи, да вертел недоверчиво головою.

С ямой закончили уже в густых сумерках: пришлось втыкать по углам могилы факелы, что благоразумно прихвачены были с собою, а там уж рядом близ места последнего своего постоя легли и братья-зольднеры. Обозные жёнки их обмыли да одели в чистое исподнее, чтобы не стыдно было подниматься на Последний Суд.

Наконец, отец Экхарт встал в головах покойников, развернул требник. Было темно для чтения, да только старый наш капеллан мог прочитать молитву на память и по любому поводу — когда его ни попроси.

И нынче: возвёл очи горе и начал:

— Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя. Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость. Окропи меня иссопом, и буду чист. Омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные. Отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои. Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня...

И вдруг, будто ответом на его молитву, раздался мерзкий скрежещущий смешок откуда-то слева, куда не дотягивался свет от факелов.

— А что, попик, — сказали оттуда, из кромешной тьмы, — станешь ли ты голосить так же, когда подпалим тебе щетину, словно свинье?

И на границе света и темени, словно из самой ночи, сгустилось несколько смутных фигур — числом не то шесть, не то восемь. Брякнуло оружие, скрипнула кожа.

Йорген подхватил факел, поднял повыше — огонь высветил разбойничьи лица, хмурые ухмылки. У того, кто стоял ближе всех и, как видно, и говорил только что, были рыжие знакомые вихры, выбивавшиеся из-под чёрно-жёлтого берета.

Как видно, заметив мой испуг, рыжеволосый горлорез, сбегавший от нас из старшинского дома, ухмыльнулся ещё более мерзко и подмигнул, проведя пальцем себе под бородою.

— А ты, нешто, думал, — сказал мне всё

тем же мерзким голосом, — что «светлых братьев» можно обижать безвозбранно? Ну так я тебя порадую: времени у нас теперь будет вдосталь.

И шагнул к нам. Вернее, попытался, поскольку Йорген, так ни слова и не сказав, ткнул факелом ему в бороду.

Рыжий отшатнулся, а Йорген подхватил под мышку отца Экхарта и рывкнул нам:

— Что стоите, будто в соплях по колено? В часовню!

И мы с Клаусом, захлопнув рты и обнажив оружие, бегом бросились в крохотную часовенку, да прикрыли дверь. Йорген тотчас подпёр её каким-то брусом. С той стороны ударили, навалились, да только Клаус приноровился и ткнул кинжалом в щель. С той стороны зашипели, помянули злым словом наших матушек, батюшек да свиной с овцами, громкие шаги затопотали вокруг часовни.

— Чёрт меня дёрнул прихватить с собою пику вместо меча, — ругался сквозь зубы Три-Глаза. — И чёрт же меня дёрнул во второй раз вообще отправиться с вами! Кто они вообще такие? — повернулся ко мне.

— «Козлища», — процедил сквозь зубы Йорген, а я только кивнул согласно. Йорген же рывкнул на капеллана: — Да не стой ты столбом, старый хрен, проверь-ка, нет ли здесь второго какого хода! А не то эти козлом драные полудурки нас и вправду прижмут так, что мало не будет.

Другого выхода не оказалось, да только радости это принесло мало: дверь, хоть и затворенная нынче, подпёртая брусом, не казалась серьёзной преградой для баронских горлорезов.

Словно в ответ на такие мысли, с той стороны в дверь ударили чем-то тяжелым: раз, другой, третий. Доски гнулись, а брус жалобно скрипел, готовый поддаться.

— Ну что, Хлотарь, — подмигнул мне Йорген, вставши слева от двери и делая несколько пробных выпадов мечом и кошкодёром, — спляшем напоследок?

Меня тогда охватило странное успокоение: я стал видеть всё отчётливо, словно

не в темноте стоял. В воздухе же разлилось тонкое свечение. Я видел свои руки, сжимающие оружие, кривую ухмылку Йоргена, слышал натужное дыхание Клауса-Три-Глаза, что встал за нашими спинами с кинжалом наизготовку, а отчётливей всего слышал негромкий прерывистый хриплый голос отца Экхарта, что выталкивал из себя — слово за словом — какой-то из псалмов.

— Господи, Боже спасения моего! — говорил отец Экхарт мелким шёпотом. — Днём вопию и ночью пред Тобою: да внидёт пред лице Твое молитва моя! Преклони ухо Твое к молению моему, ибо душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней...

Голос его прервался, сойдя на взвизг, капеллан закашлялся, отхаркнул и продолжил снова:

— Я сравнялся с нисходящими в могилу, я стал как человек без силы, между мёртвыми брошенный...

В дверь снова ударили, потом поднажали так, что брус заскрипел и прогнулся.

— ...как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты...

Брус треснул, дверь распахнулась, гулко ахнув о стену, а Йорген, крикнув, рубанул снизу вверх по вставшей на пороге тени.

— ...Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну...

Я ударил второго, проскользнувшего мимо того, кто завалился назад от йоргенова меча, — по ногам, да ещё ткнул сверху кошкодёром. Лязгнуло железо, за дверью многоголосо взвыли.

— ...отяготела во мне ярость Твоя, и всеми волнами Твоими Ты поразил меня... — продолжал хрипеть капеллан.

Кто-то стонал, кто-то ревел, мы с Йоргеном в тесноте схватки едва не рубили друг дружку. Я отступил на шаг, и бароновы горлорезы тотчас попытались обойти меня. Клаус встал справа, едва не наколол меня на свой кинжал.

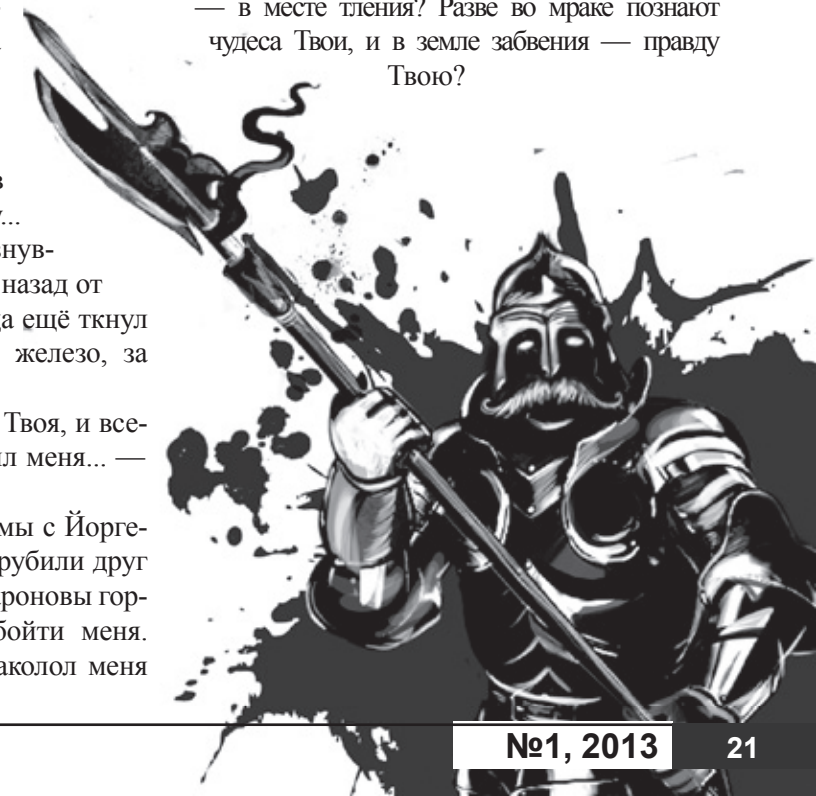
— ...Ты удалил меня от знакомых моих, сделал меня отвратительным для них! Я заключён и не могу выйти...

Взблеск, удар, я почувствовал, как по боку и дальше, вниз, по бедру, в сапог, побежала тёплая струйка. Справа застонал Клаус, выдохнул, скрипнув зубами.

— ...око моё истомилось от горести: весь день я зывал к Тебе, Господи, простирал к Тебе руки мои...

Слева кто-то рыкнул на вздохе и замолчал, а голос Йоргена задушено произнес: «С-сука...». Справа ударили мечом, я закрылся, сразу почувствовав, как занемела рука в локте. Отступил ещё на шаг, понимая, что следующий — станет последним. Мне показалось даже, что между лицами нападающих мелькает и лицо того, которому я перерезал горло сегодня днём в старшинском доме.

— ...разве над мёртвыми Ты сотворишь чудо? Разве мёртвые встанут и будут славить Тебя? — голос отца Экхарта странно истончился, сделавшись словно бы незримой светящейся нитью, вплетающейся в общее сияние, вдруг разлившееся по часовне. — ...или во гробе будет возвещаемая милость Твоя, и истина Твоя — в месте тления? Разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения — правду Твою?

Что-то изменилось.

Мы стояли, оттеснённые от входа на два шага, но наши враги уже не атаковали — отступили, замерев на долгий миг, один-двое, как мнилось в полумраке, оглядывались назад словно в удивленье, а там, за их спинами, мелькнули вдруг белые окровавленные рубахи, и кто-то застонал, а кто-то — заверещал тонко и по-заячьи.

— Господи милосердный! — выдохнул Клаус, прижимая руку к окровавленному боку, и вдруг сполз под стену.

Йорген же выдохнул вслед ему:

— Дьяволова срань!

А я во всё усиливающимся, но смутном свеченьи, различил вдруг бледное лицо Петера Стручка — и ослабевшие пальцы мои замерли, так и не сотворив крестного знамения.

Люди сцепились с людьми или духи — с духами, однако Йорген пришёл в себя довольно скоро и, крикнув: «Нажми!», вышиб с моей помощью нападавших прочь за дверь.

Не успели мы, однако, снова затворить её, как внутрь вкатились двое: одним и вправду оказался покойник Петер, волосы же второго знакомо отливали рыжиной. Рычали, вцепившись друг в друга, а затем рыжий горлорез исхитрился пнуть покойника и отшвырнуть его в сторону. Встал, покачиваясь, с обнажённым мечом.

Барельеф на стене вдруг озарился странным сиянием, и я готов был голову прозакладывать против чёрного пфеннига, что Богоматерь на стене повернула к нам голову.

Видать, что-то такое привиделось и рыжему: вдруг зарывчав совершенно по-звериному, он прыгнул вперёд, не обращая внимания на нас, и занёс меч над изображением Девы.

Что-то скрипел из угла, куда забился, отец Экхарт, Йорген шагнул и вдруг упал на одно колено, а кошкодёр его зазвенел по каменному полу, однако первым успел Петер Стручок.

Молча и страшно прыгнув вперёд, заслонил он собою Богоматерь, встав под меч. Раздался сочный звук, и клинок рыжего, зацепив, как показалось мне, лишь краем острия изображение Девы, врубился Петеру между шеей и плечом.

Вслед за тем произошло такое вот: я прыгнул к рыжему и воткнул ему кошкодёр под ребро, и тут же часовенку затопило белое острое пламя.

А потом не стало ничего...

Когда же я открыл глаза, то первое, что увидел, был ноготь на отрубленном пальце — белом и тонком, какому нечего было делать среди грубых ландскнехтов. Кто-то легонько пнул меня в бедро, и знакомый голос Клауса Хинка ворчливо произнёс над ухом:

— Вставай-ка, Хлотарь, а то и вострубление ангелов продрыхнешь, не придя в себя!

Я застонал и, опираясь рукою, тяжело поднялся на четвереньки. Снова взглянул туда, где привиделся мне женский палец, однако ничего не было уже на камнях пола — только кровь да обломки разбитой в щепы двери.

Часовня же оказалась наполненной нашим братом ландскнехтом — как оказалось после, могильщиками, едва нападавшие себя объявили, бросились сломя голову назад в лагерь, а уж наши, поняв, что да к чему, успели как раз ко времени, чтобы сберечь наши жизни. Шкуры, впрочем, подпортить нам успели: Клаусу досталось крепче всего. А отец Экхарт, как сделалось ясно, что бароновы горлорезы, кто остался жив, сбёгли, выбрался из угла, куда забился, и первым делом потребовал браги — и опростал половину меха, не сходя с места. Его, не вяжущего лыка, унесли уже в лагерь.

Йорген же сидел под стеною и скалил крепкие зубы, солёной шуткой отвечая на злое зольднерское слово.

Потом увидал меня, махнул радостно рукою:

— Эй, Хлотарь, как штаны: отстираешь ли?

Я, однако же, внимания на его слова не обратил: всё стоял, да смотрел на изображение Богоматери. А там, среди прочих грешников, кого Дева укрывала от гнева Спасителя краем своего плаща, увидел я коленопреклонённого ландскнехта с бородкой клинышком и носом туфелькой. И ещё я заметил: на правой руке Приснодевы не хватало отбитого мизинца...

А вот рыжеволосый горлорез пропал без следа.

Сергей Булыга

Чке

Это случилось много лет тому назад, за Жёлтыми Горами, на землях мамембо. В одном селении, не слишком большом и не очень богатом, жили самые обычные люди. Женщины работали в поле, выращивали ямс и сорго, мужчины пасли стада зебу, ходили на охоту и иногда воевали с соседним селением, старики, как им и положено, присматривали за детьми и хранили обычаи предков.

А на окраине того селения жил один человек, который никогда ничего не делал. Мало того, он ничего не ел и ничего не пил. Целыми днями этот странный человек сидел на пороге своей хижины и молча смотрел по сторонам.

Время от времени он как-то странно прищёлкивал языком, и тогда людям казалось, будто он негромко восклицает: «Чке! Чке!».

Его так и прозвали — Чке. А вот откуда он пришёл и сколько ему лет, этого никто не знал. Самые дряхлые старики утверждали, что когда они были ещё совсем маленькими, Чке и тогда уже сидел на пороге своей хижины, а тогдашние старики, глядя на него, качали головами и говорили, что никто не знает, когда и откуда

явился этот человек, который не стареет. Как не стареет и та хижина, в которой он живёт.

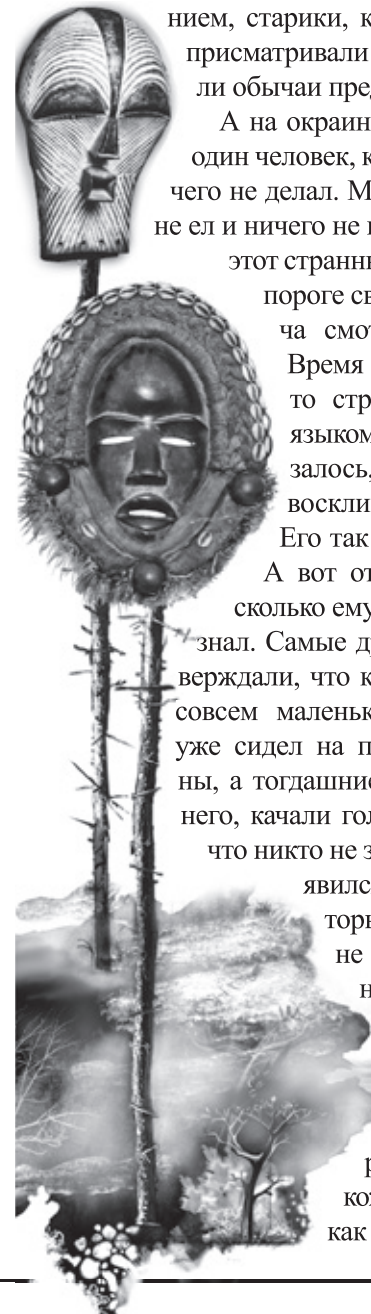
На вид Чке было лет под сорок, он был невысокого роста, худой, но зато кожа у него блестела как у термита, хотя он

никогда не натирался пальмовым маслом. Да и откуда бы Чке взял это масло, если у него в хижине не было даже пустой калебасы, а у соседей он никогда ничего не просил? Чке, может быть, и разговаривать-то не умел. Сидел себе, молчал и никого не трогал. Ну, и его не трогали. Но в то же время его очень не любили. Да и за что его было любить? Каждое утро мужчины спешили на пастбище, женщины в поле. А Чке безмятежно сидел на пороге. Когда же вечером усталые и голодные люди возвращались в селение, Чке, словно каменный, сидел всё в той же позе. Люди боялись засухи и наводнения, люди старели и умирали, а Чке сидел, молчал и ни о чем не беспокоился. С заходом солнца Чке вставал, уходил в хижину и там отдыхал до рассвета. Он никому не делал зла, никому не мешал, ни над кем не смеялся. Люди терпели Чке...

Но только до той поры, пока к ним не пришла Нагана. Нагана — это страшная, внезапная болезнь; стадо вдруг застывает на месте и отказывается повиноваться пастухам. Зебу стоят с закрытыми глазами, испуганно ревут, а после падают и уже никогда не поднимаются. Неделя, самое больше две — и пастбища пустеют, голод приходит в хижины и начинает забирать сородичей. Нагана — это страшный враг, и враг невидимый, поэтому с ней невозможно сражаться. Так же никто доподлинно не знает, почему и откуда она появляется. Одни считают, будто бы её приносят на своих липких лапках маленькие чернокрылые мухи, другие утверждают, что Нагана спит в земле и пробуждается во время пыльной бури.

А в том селении — в той перепуганной толпе, собравшейся на площади — в тот раз кто-то вдруг закричал, что Нагану накликал завистливый Чке! Уже назавтра люди не смогли дознаться, кто был этот крикун.

Сергей Булыга родился в 1953 году. Один из основоположников отечественного фэнтези, автор нескольких романов. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе Союза писателей России, лауреат премии им. И. А. Ефремова. Живёт в Минске.

Зато тогда, стоя на площади, они об этом и не думали. О, да, подхватили они, это так, это, конечно, Чке! Вы только посмотрите, дружно восклицали женщины, с какой злобой он смотрит нам вслед, когда мы проводим мимо него наших детей! Вы только прислушайтесь, возмущались мужчины, как он шипит, когда мы проносим мимо него нашу добычу! Негодный, подлый Чке, уже разом кричали мужчины и женщины, нет у него ни семьи, ни достатка, вот он и завидует нам! И это он и только он привёл к нам Нагану! Изгоним же его, и тогда вместе с ним уйдёт и эта страшная болезнь!

Толкаясь и крича от возбуждения, люди прошли по улице и остановились перед хижиной Чке. Тот, как всегда, сидел на пороге. Увидев перед собой разгневанную толпу, Чке удивлённо поднял брови. Чке, Чке, кричали люди, топая ногами, ты предал нас, ты напустил на нас болезнь! Прочь! Уходи! Чке! Чке!

Чке резко встал, решительно шагнул к толпе...

И люди замерли! И замолчали. Никто из них никогда до этого не видел, чтобы он сходил с крыльца. А Чке шагнул к ним ещё раз. И ещё. Толпа покорно расступилась...

Покинув селение, Чке не пошёл по дороге, а почему-то сразу же свернул в низину и стал уверенно, но не спеша спускаться к Бездонному озеру. Трое мужчин, которые отважились последовать за ним, потом рассказывали, что, выйдя на берег, Чке опустился на колени и долго шептал какие-то заклинания, а уже только затем вошёл в воду. Озеро в том месте густо заросло тростником, и поэтому чем дальше Чке отходил от берега, тем труднее становилось за ним наблюдать. Вскоре мужчины и вовсе потеряли Чке из виду. Зато они очень хорошо рассмотрели, как два матерых Хозяина проплыли вслед за ним, потом раздался громкий всплеск...

Мужчины дважды обошли вокруг озера, но следов человека, выходящего из воды, они нигде не обнаружили. Значит, Чке больше не было в живых.

В тот же день ушла и страшная болезнь.

В селении всю ночь был праздник, а наутро женщины отправились в поле, мужчины на пастбище. То же самое их ждало и завтра, и послезавтра. И каждое утро, и каждый вечер люди проходили мимо опустевшей хижины Чке — той самой, кстати, хижины, которую они в самый разгар праздника упорно пытались поджечь, но она почему-то так и не загорелась. А вот теперь люди смущённо опускали головы и всё чаще и чаще вспоминали о том, что Чке никогда никому не делал зла, ни во что не вмешивался и ни над кем не смеялся. И, может быть, Нагана как пришла сама по себе, так после сама по себе и ушла, а Чке был здесь вовсе не при чём?

Так минул год. Потом второй. За ним третий. Был ещё один падеж скота, и наводнение, и засуха, но люди уже больше не роптали на судьбу и не искали виновных. И даже более того: когда им случалось проходить мимо хижины Чке, люди невольно замедляли шаг, и всматривались, слушали... но раз за разом убеждались, что там по-прежнему никого нет. Да и кого им было ждать? Чке больше нет, он изгнан и убит, сожран Хозяином. И что Хозяину тщедушный Чке, когда он может одним разом заглотить трёхгодовалого зебу!

Но вдруг однажды на рассвете из хижины Чке раздался громкий детский плач. Люди пришли туда, долго стояли на безопасном расстоянии и перешёптывались между собой, а после самый отважный мужчина племени сделал ещё четыре шага вперед, осторожно откинул входную циновку, глянул внутрь... и увидел лежащего в дальнем углу младенца. Младенец сучил ножками и жалобно покрикивал. Как он попал сюда, кем он был подброшен? Всё это очень странно, говорили люди, ведь никакая женщина, пусть даже из соседнего селения, ни за что не посмела бы приблизиться к этому Страшному Дому. Так, может быть, это просто вернулся дух Чке? А если так, то и кормить его не надо — Чке не нуждался в пище! Люди успокоились и разошлись. Младенец продолжал кричать. Но с

каждым днём он кричал всё тише и тише. Люди уже начали понемногу смелеть...

Но на двадцатый день младенец вдруг вылез на порог хижины и теперь просто лежал, помалкивал, внимательно смотрел по сторонам и только иногда едва слышно щёлкал языком: «Чке, чке».

Прошёл сезон дождей, младенец вырос в юношу. Потом прошло ещё совсем немного времени, юноша превратился в мужчину, и люди, проходя мимо хижины Чке, старались не смотреть в глаза тому, кто прежде никому не делал зла... А вот теперь вернулся и молчит — так, словно он ничего не помнит. Точно так же, как и в своей прежней жизни, нынешний Чке ранним утром садился на пороге и целыми днями внимательно смотрел по сторонам, а на закате возвращался в хижину. Он не отвечал на вопросы, не замечал поклонов и не принимал подношений. Казалось, будто Чке оглох и ослеп.

Но тем не менее, как вскоре заметили люди, только тем, кто чтит и искренне любил его, сопутствовала настоящая удача, в то время как все остальные перебивались с лепёшек на воду. И вот что ещё: Чке не разжалобишь и не перехитришь, перед ним не притворишься, ибо Чке слушает не ваши слова, а удары ваших сердец и смотрит не вам в глаза, а сразу прямо вам в души. На то он и Великий Чке. Мудрейший Чке. Бессмертный из Бессмертных Чке! Люди рождались, старились и умирали, а Чке сидел, не шевелясь — три, восемь, десять поколений. А может и больше. Кто знает?!

Пять лет тому назад вместе с толпой паломников я наконец побывал в том селении. Нас подвели к хижине Чке, но заглядывать внутрь запретили. Чке, объяснили нам, очень не любит чужаков и поэтому давно уже не показывается на пороге. Поняв, что им так и не посчастливится увидеть Чке, мои спутники сильно опечалились. Тогда я стал их успокаивать, говоря, что они всё равно счастливей меня, ведь они, по крайней мере, видят

его хижину, а я лишен и этого. Мои спутники согласились со мной. Тогда я попросил, чтобы они повернули мою голову в сторону хижины Чке. Они это охотно сделали...

И вдруг я словно бы увидел — а может, только представил себе? — худого, измождённого человека, который, скорчившись, сидел в углу хижины и настороженно прислушивался к нашим голосам. Так вот какой он, Чке, подумал тогда я, да он ещё несчастней меня! Пойдёмте, сказал я своим спутникам, мне тяжело, мне нужно отдохнуть. Меня взяли под руки и повели. Чке — видел я своими слепыми глазами — сидел всё так же скорчившись, закрыв лицо руками, и его била сильная дрожь. Скорей же, крикнул я своим спутникам, я задыхаюсь! И я упал. И меня унесли.

Ну а прозрел я уже здесь — вы помните, как это было. И вот теперь я сижу, смотрю на этот мир и думаю. И, кажется, скоро постигну тайну Чке.

Александр Марков Метро

Рабочие с выпученными от ужаса глазами выбежали из туннеля и бросились к подъёмнику. Все, кто находился на станции, поняли, что надо спасаться, побросали инструменты и тоже побежали к подъёмнику. Возле них выстроилась очередь, и если б не прорабы, то возникла бы паника и давка.

Впрочем, звуков обрушающегося свода никто не слышал, не ощущался и запах сернистого газа, на дне воды почти не было, а, следовательно, не возникла опасность, что водоносный горизонт прорвал стенки туннеля и мог его затопить вместе

Александр Марков родился в 1971 году. Автор ряда фантастических и военно-приключенческих книг. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе и Союза писателей России, лауреат литературной премии «Во славу Отечества». Профессиональный тележурналист. Живёт в Москве.

со всеми, кто не поспешит выбраться на поверхность. Но в суматохе и в голову никому не пришло, что причин для бегства нет. Лучше подстраховаться...

Яков Михайлович — начальник строительства — уже облачился в костюм, в котором обычно ходил под землю. Поверх него он надевал робу и каску, а ботинки менял на сапоги.

Позавтракать вот только Яков Михайлович не успел — какое там, когда к тебе приезжает не служебная машина, а чёрный лимузин, в котором трое военных. Жена, увидев их, заплакала, подумав, что муж домой больше не вернётся. Знала ведь, за кем такие машины приезжают. Не разглядела она сквозь слёзы, что главным среди визитёров был куратор стройки майор Быстров, а значит, и вправду, может, по делу приехали.

На кухонном столе дымилась чашка чая. Жена протягивала мужу наспех сделанные бутерброды, завернутые в газету.

— Может, вещей тёплых взять, — то ли спрашивала, то ли советовала она, но обращалась не к мужу, а к Быстрову.

— Не надо Маша, — сказал Яков Михайлович. — У меня на стройке всё есть. А сейчас и времени нет. Ведь правда?

Пока ещё не понятна была цель визита, Яков Михайлович держался отрешённо. Ему уже звонили, сообщив, что на стройке что-то стряслось. Толком дежурный инженер объяснить ничего не смог, просил только побыстрее приехать. Однако визит трёх военных был для Якова Михайловича полной неожиданностью. Стройкой он руководил очень ответственной, знал, чем может закончиться срыв сроков, но ведь не вышли они ещё, а значит, и забирать его было не за что. Впрочем, все так говорят, а потом выясняется, что повинностей перед народом множество. И, увидев эту тройцу, Яков Михайлович подумал, что его хотят

сместить с руководства, как неоправдавшего доверие. Оправдывайся, не оправдывайся — в результате всё равно окажешься английским шпионом, завербованным империалистами, чтобы затормозить великую стройку социализма. Нетрудно догадаться, каким будет наказание...

— Простите, Яков Михайлович, времени и вправду совсем нет, — сказал Быстров. — В машине покушаете. У нас термос есть с чаем. Пока доедем, как раз и позавтракаете. Давайте свёрток помогу донести, а то он мешать вам будет.

Яков Михайлович никак не мог унять дрожь в руках. Затравленно прижимал сверток к груди, будто там что-то ценное, без чего он жить не мог. Предложение ему было сделано очень мягко, но, может, это тактический приём? А вдруг жена вместо бутербродов подсунула мужу нож или, чего доброго, пистолет именной. Был такой у Якова Михайловича. С Гражданской войны остался, на гравировке подпись самого товарища Фрунзе.

Однако, чтобы не обидеть военного, Яков Михайлович сверток отдал, причёсал пятернёй седые, чуть всклокоченные волосы.

— Пойдёмте...

Двое военных поспешно вышли, каблук их сапог зацокали по ступенькам.

— Да что случилось-то? — решила спросить жена.

Слезы в её глазах высохли. Она пришла к выводу, что военные приехали действительно по важному делу. Впрочем, они всегда вели себя вежливо, если тот, за кем приезжали, не сопротивлялся, за наганом не лез и шашкой не размахивал.

— Ничего страшного, — улыбнулся Быстров, пропуская Якова Михайловича вперёд. — Вы ведь знаете, какой стройкой ваш муж руководит. Без него никак. Вот и тревожим. Кое-какие технические сложности надо разрешить. Простите, что беспокоили.

На лице его проступала улыбка, которую майор, вероятно, разучивал, стоя перед

зеркалом, но взгляд у него был цепким и скользким. Он точно маску надевал. Словам Быстрова супруга Якова Михайловича нисколько не поверила, но была вынуждена изобразить на своём лице лёгкое подобие улыбки.

— Понимаю вас... Ничего вы нас не тревожили. До свидания!

В машине Яков Михайлович так ничего и не выяснил. Военные сами ничего толком не знали. Про бутерброды он как-то забыл, и пришлось их оставить в машине, потому что разгуливать по стройке со свёртком было неудобно.

Работы всё ещё не возобновились. Каждая минута простоя в вариантах развития дальнейшей судьбы Якова Михайловича склоняла чашу весов на ту сторону, где лежал тюремный срок, а так хотелось, чтобы реальность другой стала — с орденами, почётом и званиями!..

Несколько рабочих, тех, что ещё не ступали на смену, окружили барак, где обычно передевались, прежде чем под землю лезть. Они не понимали, отчего их не пускают в барак, пробовали заглянуть в мутные, будто сделанные не из стекла, а из слюды, окна, но разглядеть, что происходит внутри, всё равно не удавалось. Их безуспешно пытался прогнать прочь часовой, стоявший возле входа в барак.

— Куда лезете? Неприятностей захотели? — кричал он.

Учитывая то, какая на нём была форма — синие штаны, гимнастёрка, фуражка с синим околышем, — все понимали, что угрозы эти не праздные. Неприятностей никому не хотелось, но рабочие упорно не расходились.

Яков Михайлович знал, что в бараке сейчас специалисты, которые и подняли панику. С ними общаются дознаватели. Он усмехнулся, позавидовав тому, как у органов всё хорошо организовано, — можно быть уверенным, что с такой организацией ни один шпион незамеченным не останется. Наверняка, недруги диверсионные акции

организовать захотят и денег любых на это не пожалеют. Диверсии эти предупредить надо. Да ещё церковники (не в открытую конечно, кто ж им позволит такое, а втихомолку) стройку эту не одобряют и среди прихожан своих распространяют мысли о том, что лезть так глубоко под землю — не можно. Так и до мест, где души грешников свой срок отбывают, добраться недолго, а что случится, когда они вздумают на поверхность выбраться? Только, если логике этой следовать, то и скважины нефтяные бурить нельзя. Тоже на грешников натолкнуться можно...

— Не пойду я туда! — срывался на крик рабочий. — Хоть режьте...

Сидящий напротив него следователь в форме улыбнулся последней реплике, но комментировать её никак не стал.

— Никто от вас таких подвигов пока и не требует... — сказал он.

Услышав, что дверь отворилась, следователь, недовольный, что его от дела отвлекают, посмотрел на вошедших, но, когда узнал их, то вскочил и вытянулся по стойке смирно. Тоже самое сделал и допрашиваемый, хотя посмотрели они на разных людей.

— Простите, что беспокоим вас. Продолжайте.

— Слушаюсь, — сказал следователь, потом обратился к допрашиваемому: — Повторите всё то, что вы мне сейчас рассказали.

Вошедшие сели на свободные стулья, сел и сам следователь, жестом предложил сделать это и рабочему. Тот мялся, то ли забыл что-то, то ли стеснялся. Ему был нужен наводящий вопрос.

— Итак, что вы видели? — помог ему следователь.

— Ну это... В туннеле мы были, ага, шли значит... Я с Петькой шел, а Колька — он со своими ребятами бурил, вот и это... Ну, камень какой-то большой обвалился, а за ним — пещера, смотрю. Я не разглядел — большая или нет. Только фонариком туда

посветил, а там... — на по следних словах голос рабочего начал вибрировать, дрожь била его тело всё сильнее, точно припадок какой начался.

Следователь протянул ему стакан с водой, уже на треть пустой, из чего можно было заключить, что не в первый раз таким образом он успокаивал рабочего. У того зубы выбивали дробь по стеклу. Он судорожно глотал воду, будто жажда его мучила, но когда стакан опустел, дрожь не улеглась.

— Ой, нехорошо мне, това... гражданин следователь, вспоминать такое, ага... Я фонариком в пещеру ту посветил и обомлел прямо, глаза там сперва увидел, жёлтые такие, как у кошки. Много глаз. И людей. Может, ошибся я... Ростом-то они невысокие. Как дети малолетние, ага... но кряжистые такие. Дети такими не бывают. А тут Пашка Скоробогатов — ударник наш, стахановец, парень в общем ещё тот герой, про него и в газетах писали, и фотографии его не раз...

Следователь остановил жестом рабочего, показав, что не стоит отвлекаться.

— Ага... — после некоторой заминки продолжил рабочий, вспомнив, что же он

хотел сказать, —

во... это... Пашка как закричит:

«Мертвяки! Тикаем братва, пока нас ещё глубже под землю не уволокли!» Ну, мы все и побежали без оглядки. Если бы

Пашка не закричал, то может и остались... — тут до рабочего дошло, что своим рассказом

может он друга своего под монастырь подвести, впаяют тому срок, и поспешил допрашиваемый оплошность свою как-то исправить: — Пашка-то — не верующий, комсомолец, и чего такое понёс, сам не знаю...

Рабочий посмотрел на следователя, осёкся, нервно облизнул губы и продолжил свой рассказ:

— Ага... бежим, толкаемся, пихаемся, как бы побыстрее выбраться. Отдышались только, когда солнышко увидели. Я вот ещё чего думаю, не прав Пашка-то. Если это мертвяки, то ростом они всё равно с человека быть должны. А эти маленькие и кряжистые, прямо сучковатые какие-то. Почему так, а?..

Следователь оставил его вопрос без ответа.

— Вот и всё... — закончил рабочий. — А в туннель я не пойду! Вы уж меня, Яков Михайлович, простите, уволюсь я со стройки... Не могу под землю больше лезть, как глаза эти вспомню, мурашки так

и бегают, так и бегают... Теперь и спать не смогу...

Яков Михайлович вначале подозревал, что рабочие накануне смены выпили сильно, вот от похмелья им и почудилась под землёй всякая нечисть, но, к удивлению его, следователь и Быстров рассказ этот на смех поднимать не стали, а, напротив, отнеслись к нему очень серьёзно.

— Как вели они себя, агрессивно? — спросил следователь.

— Ась? — не понял заковыристого слова рабочий.

— Они нападали на вас?

— Мертвяки-то? Да не успели они. Убежали мы быстро, а если б остались, то и не знаю, что с нами сделали бы...

— Переключку провели? — спросил Быстров у следователя, когда рабочего увели.

— Да, товарищ майор. Вся смена на поверхности. Под землёй никого не осталось.

— Это хорошо, — сказал Быстров, потом обратился к начальнику стройки: — Что скажите, Яков Михайлович?

— Саботаж какой-то... Я мог бы выступить, рабочие в туннель бы и вернулись, ну, может, смену бы заменил. Работы возобновлять надо, а то к сроку не успеем. Проходка трудная. Грунт часто течёт. Водонесные слои, воду постоянно откачиваем, с гидроизоляцией замучились... Трудно, в общем. Если простоим чуток, как потом наверстаем?

— Похоже, рассказ своего рабочего вы серьёзно не восприняли...

— Да бред же, вот и не воспринял! Полно вам, — отмахнулся Яков Михайлович, — какие там мертвяки?

— Ай, ай, как вы о рабочих нехорошо говорите... А ведь стройка серьёзная, любой проходчик должен быть проверен, и вы в нём должны быть абсолютно уверены. Да ведь и я за эту стройку ответственность несу...

На словах «ответственность несу» Яков Михайлович невольно голову втянул в

плечи, догадавшись, что, если в сроки не уложится, то подобная встреча может в менее комфортных условиях состояться. Впрочем, и нынешнего его собеседника могут всех званий лишить — отправят лес в Сибирь валить или того хуже — пулю в затылок пустят.

— Пока я не стал бы всех, кто в этой смене работал, по домам отпускать, — продолжал тем временем майор. — Мы их задержим немного. Чтобы всякие ненужные нам слухи по городу не распространялись... Пусть очухаются, поразмыслят, может и сами поймут, что всё им привиделось.

— Значит, всё-таки привиделось? — обрадовался Яков Михайлович.

— Пусть рабочие это сами поймут, а наша задача их в этом убедить и разобраться, что же на самом деле произошло. Для этого придётся спуститься в туннель. Вы, часом, не боитесь, как этот рабочий?

— Что вы, нет, конечно! Каждый день под землёй не один час провожу и клаустрофобией не заболел ещё.

— Мы не одни пойдём. С небольшим сопровождением. На всякий случай. Я уже распорядился. Подождём их немного... Если что, вы, Яков Михайлович, с противогазом обращаться умеете?

— Да. Давно, правда, не пользовался. Но когда с Тухачевским банды Антонова по лесам травили, пришлось научиться. Думаю, что вспомню. А зачем противогазы нам нужны будут?

— Что-то подсказывает мне, что понадобятся... — сказал, не вдаваясь в дальнейшие разъяснения, Быстров.

Солдат привезли в машинах. Кузова были закрыты брезентовыми тентами. Солдаты спрыгивали в грязь, пачкали сапоги и шинели, строились возле подъёмника.

Рабочих отогнали подальше — так, чтобы они не видели, что происходит, но слухи о том, что приехали солдаты, по стройке разносились быстро.

Клетушки подъёмника были рассчитаны на то, чтобы за раз брать не более семи человек. Яков Михайлович порывался попасть в первую партию, но майор попросил его не торопиться. Инструкции солдатам он дал заранее, приказ надеть противогазы без лишних вопросов все выполнили. Яков Михайлович, хоть и руководил строительством объекта, приравненного к оборонному, всё же посчитал, что приказ к нему не относится. Быстров дал ему подсумок с противогазом, когда они ещё в конторе находились.

С противным скрипом и грохотом, точно это кандалы каторжников гремят, клеть стала проваливаться под землю, унося солдат в преисподнюю. Резина противогазов уже обезличила их. Не разглядишь, боятся люди или нет.

Под землей было влажно и холодно. Лучи фонарей шарили в темноте, но не могли её разогнать и часто не добирались даже до стенок туннеля, ослабевая по дороге.

Капли падали с потолка, просачиваясь через породу, разбивались о технику, которая, оставь её здесь без дела хоть на несколько дней, тут же начнёт покрываться язвами ржавчины. Она и сейчас уже казалась мёртвой, будто стояла здесь ниёдин год, и обезлюдевшая стройка напоминала археологические раскопки учёных, наткнувшихся на следы древней цивилизации.

Вода хлюпала под ногами.

Солдаты озирались по сторонам с заметным интересом, точно оказались в сказке, в подземном царстве, и кто его знает — будет ли рад местный хозяин непрошеным гостям или они вызовут его гнев.

— Противное местечко, — сказал Быстров Якову Михайловичу. Противогаз он тоже не надел, ведь в случае необходимости именно майору придётся командовать. — Вы полагаете, что люди сюда добровольно отправятся, да ещё деньги за это платить будут?

— Ну, здесь сейчас совсем не так, как будет. Дворцы здесь подземные вырастут,

с хрустальными люстрами, с мраморными полами, со стенами, выложенными мозаикой!

— Сказочник вы, одно слово... — усмехнулся Быстров.

Они уже подошли к концу туннеля. Здесь валялись брошенные рабочими отбойные молотки, на рельсах стояли тележки с породой, которую так и не забрали на поверхность. В стене туннеля зияла дыра.

— М-да... — сказал Быстров. Он заглянул в пролом, пошарил по нему лучом фонарика. — Никого там нет.

— А я что говорил! — обрадовался Яков Михайлович. — Можно и я посмотрю?

— Да бога ради, — разрешил майор.

Яков Михайлович протиснулся к пролому.

— Да-а, — протянул он. — В принципе, можно эту естественную пещеру для дела использовать. Местоположение станции изменять не стоит, а вот, скажем, какие-нибудь подсобные помещения здесь обустроить или депо для поездов с вагонами — это вполне осуществимо. Всё лучше, чем пещеру эту засыпать.

Начальник строительства уже поворачивал голову к Быстрову, когда почудилось ему, что в глубине пещеры промелькнула какая-то тень... Однако, поразмыслив, Яков Михайлович пришёл к выводу, что ошибся и принял за тень живого существа лишь игру света от собственного фонарика.

— Всё ж мы проверим, что там к чему... — сказал Быстров, видно, тоже что-то приметивший.

Что произошло, когда первый солдат сунулся в пролом, Яков Михайлович понять не смог. Услышал он лишь какой-то противный свист, потом тупой звук удара... Солдат вмиг обмяк, выпустил из рук винтовку — упала она с пронзительным грохотом, с таким бьётся стеклянная посуда.

Быстров подскочил к солдату, диким взглядом шаря по темноте пещеры. Пистолет из кобуры он вытащил, водил им перед собой, отыскивая мишень, но ничего не

видел. Солдат упал лицом вниз. Быстров перевернул его, содрал с головы противогаз, мазнул лучом фонарика по лицу. На лбу виднелась красная отметина, кости черепа чуть вмялись.

— Камнем, значит, саданули... — прошипел майор.

— Кто? Что? — растерянно спросил начальник строительства.

— Не пустомелили ваши рабочие, Яков Михайлович... — сказал Быстров, — Дело и вправду серьёзное. Чёрт его разберёт, кого мы тут повстречали... Бандюганы какие-нибудь или террористы? Но против отравляющего газа, думаю им не совладать... Что скажите, Яков Михайлович.

— А вдруг это для науки ценное открытие? — неожиданно для себя выдал начальник строительства.

Майор внимательно посмотрел на него, но спорить не стал.

— Всё может быть... — сказал он. — Только знаете ведь, что стройку в этом случае мы к сроку никак не закончим. Чем нам это грозит?

Яков Михайлович молчал.

— Вот и я про то... — продолжил Быстров. — Вы меня понимаете, у вас тоже семья, дети будут, кто о них позаботится в случае чего? Ну а кроме того, они на нас первыми напали, а значит, и ответить за это должны...

— Жив? — спросил Яков Михайлович, посмотрев на солдата.

— Нет, удар сильный, череп раскроили... Этак и нас тут всех перебьют. Много в темноте мы не настреляем. Газ — вот наше спасение.

Яков Михайлович кивнул, соглашаясь.

Быстров от пролома отодвинулся, так чтобы его, если кто ещё один камень запустит, не задела. Он подозревал, что пещера эта соединена с ходами — сунешься в какой-нибудь из них, заплутаешь и останешься здесь на веки вечные...

— Противогаз наденьте, — приказал майор, и Яков Михайлович быстро выполнил его распоряжение.

Темно в пещере, только прожекторами авиационными и осветишь её всю, но пока эти махины сюда притащишь, пока подключишь, да разместишь, это сколько времени-то пройдет, да и не дадут неизвестные прожектора расставить — побьют камнями, прежде чем они заработают.

— Пошли, — махнул Быстров солдатам. Сам тоже противогаз надел.

К пролому придвинулись два бойца с раструбами в руках, которые соединялись гибкими шлангами с баками за их спинами, открутили вентиля.

В противогазах с хоботками они походили не на людей, а на выросших до человеческого роста насекомых каких-то — видом своим внушали страх.

Что-то противно засвистело, закрубились возле ног, потекло в пещеру, точно океанский вал, стало её заполнять.

Подождав немного, солдаты перелезли через пролом, двинулись вперёд, фонариками высвечивая себе дорогу, но теперь из-за газа даже то, что под ногами творится, невозможно было разглядеть, куда уж там замахиваться на большие расстояния.

Якову Михайловичу почудилось, что он слышит завывания, далёкие, очень далёкие, почти не различимые. Но так могла завывать подземная река, а не умирающие существа...

Под ногами что-то хрустнуло противно, размазало по подошве. Яков Михайлович и нагибаться не стал, чтобы посмотреть — что же это было...

Они прочесали всю пещеру, ощупали буквально каждый её уголок, никого не нашли и чуть не пропустили зияющий ещё более чёрным провалом, чем эти чёрные стены, вход в туннель — узкий и низкий, так что в него человек пройти мог, согнувшись почти вдвое. И вот там, почти сразу же, они натолкнулись на маленькое тело карлика, сплошь покрытое шерстью. Карлик лежал на камнях, подогнув под себя ноги.

Быстров толкнул его ногой. Тело, утратив жизнь, ещё не утратило подвижность, оно поддалось, распрямилось. Быстров отскочил, потом нагнулся. У карлика было в руках что-то напоминающее пращу.

«Вот, значит, кто солдата моего убил. Так тебе по заслугам и воздалось...»

Якова Михайловича чуть не вырвало, он задохнулся от спазмов и всё никак не мог удержать содержимое желудка, а если бы те треклятые бутерброды съел, что жена ему подготовила, то точно б захлебнулся в собственной блевотине. Только мысль о такой нелепой смерти, только то, что он знал: сними противогаз — обязательно задохнёшься, помогло ему справиться со спазмами.

«Кто это?» — очень хотел разузнать Яков Михайлович, но в противогазе не спрашиваешь, да и знал ли Быстров ответ?

Яков Михайлович, хоть и страшно ему было остаться совсем одному, всё же не решился пойти дальше, а лишь смотрел, как растворяются в тумане фигуры солдат. Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем они стали возвращаться. Каждый нёс тело карлика...

Противогазы они сняли только на улице. Под резиной головы запотели, волосы у всех слиплись. Тела карликов сложили в ряд. Шерсть у них была густой, тускло-серой. Света теперь было достаточно, чтобы их получше рассмотреть, но Яков Михайлович делать этого не стал, а, напротив, всё отводил взгляд в сторону. Ему приходилось убивать людей, в Граждан-

скую иначе не выживешь — либо ты, либо тебя, — но сейчас он чувствовал себя преступником, хотя сам никого и не убивал, был лишь пассивным соучастником этого.

Быстров отдавал какие-то приказы, откуда-то притащили мешки, в которых обычно картошку перевозят, стали в них запихивать тела карликов (как раз по росту эти мешки пришлись), забрасывать в кузова грузовиков, на которых солдат привезли.

— Думаю, что через пару-тройку часов газ станет безвредным, — услышал Яков Михайлович, голос майора.

— А? — переспросил он, не понимая.

— Говорю, что газ через пару-тройку часов безвредным станет, — повторил Быстров. — Мы ещё там приберёмся немного, чтобы следов совсем не осталось, тогда и работы возобновить сможете. — Майор говорил и говорил, похоже, чтобы нервозность скрыть, но начальник строительства мало что улавливал из сказанного.

— Что с ними делать будете? — Яков Михайлович кивнул на грузовики.

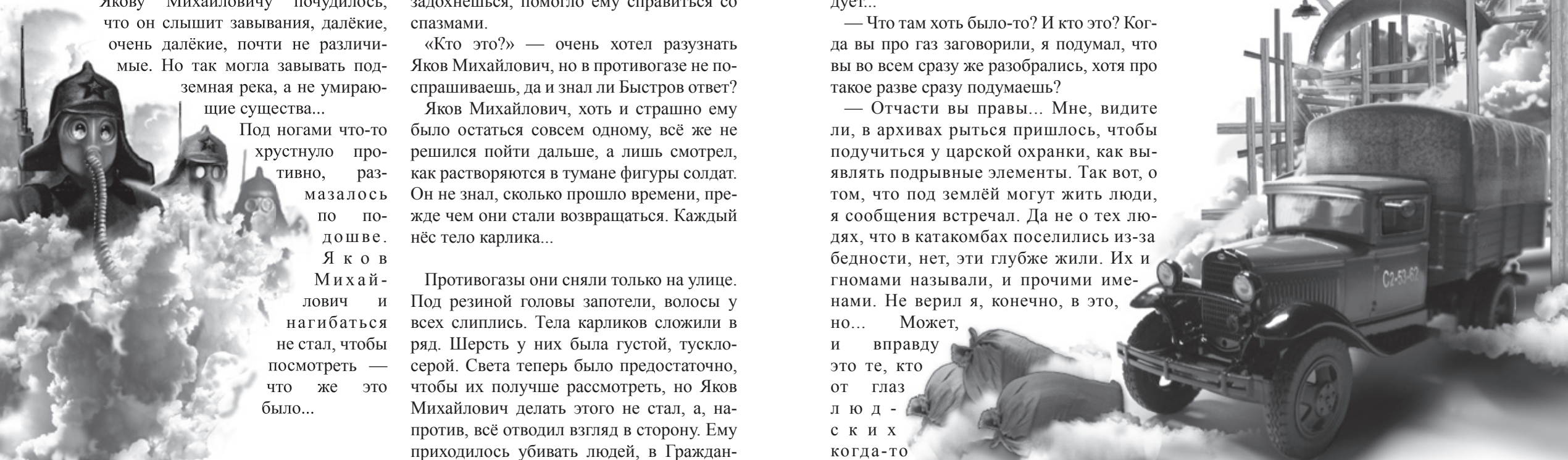
— Займутся этим вопросом те, кому следует...

— Что там хоть было-то? И кто это? Когда вы про газ заговорили, я подумал, что вы во всем сразу же разобрались, хотя про такое разве сразу подумаешь?

— Отчасти вы правы... Мне, видите ли, в архивах рыться пришлось, чтобы подучиться у царской охранки, как выявлять подрывные элементы. Так вот, о том, что под землёй могут жить люди, я сообщения встречал. Да не о тех людях, что в катакомбах поселились из-за бедности, нет, эти глубже жили. Их и гномами называли, и прочими именами. Не верил я, конечно, в это, но... Может, и вправду это те, кто от глаз людских когда-то

под землю ушёл, да так там и остался? Не знаю, а теперь, боюсь, и не узнаю...

Пролом забетонировали — от греха подалее. Яков Михайлович со стройки не выбирался, совсем на неё жить перебрался, весь в работу ушёл. Линию в срок открыли, даже чуть раньше, а станции отстроили — на загляденье, как дворцы, в которых прежде лишь богачи могли жить, а теперь любой труженик мог полюбоваться ими. Яков Михайлович любил смотреть на восторженные лица людей, ехавших на метро, и тогда он забывал о своих страхах, и его отпускала мысль о том, что где-то там, за мраморными стенами станций, за бетонными сводами туннелей могут ещё обитать таинственные карлики с густой, серой шерстью...

Берег левый, берег правый

Путь предстоял неблизкий и небезопасный, поэтому ходоков снаряжали всем селением. На четырёх жирных, весной отелившихся молокоарниц, навьючили мешки с товаром. Из подземных складов извлекли оружие — старинное, дедовское, не видевшее света со времён последней войны. Длинные копья с острыми, из кости хоботаря, наконечниками. Каменные топоры с гнутыми резными рукоятями. Метательные стрелы в кожаных колчанах и тыквенную бутылку с запасом ехиднового яда, делающего эти стрелы смертоносными.

Косарь взял себе самое длинное копьё и приторочил к поясу топор. Теперь он выглядел грозно и внушительно, под стать возглавляемой им важной миссии. Предстоящее дело было сложным и крайне ответственным — Косарь гордился, что торги с обезьянами доверили ему, в знак признания его рассудительности и отваги. Он и попутчиков выбрал лично — самых сильных и мужественных сородичей из тех, которых знал.

— Обезьяны хитры и коварны, — напутствовал Косаря старый Сеятель. — Верить им на слово нельзя. Будьте мудры и изворотливы, не позволяйте обезьянам перехитрить и обмануть вас. Всё, ступайте.

Косарь склонил в знак послушания голову, затем вытянул хворостиной головную молокоарницу, и процессия тронулась. За окраину селения выбрались с первыми

солнечными лучами и двинулись вдоль поля по опушке.

Зерновиками уже начали колоситься, лето выдалось хорошим, тёплым и дождями побаловало — урожаю ожидали обильного, сытного, достаточного, чтобы зиму прожить в довольстве.

Косарь внезапно сбился с ноги. В довольстве, как же, пришли невесёлые мысли. В любой день может начаться большая война. Лесовики обнаглели, их отряды то и дело переправляются на узких смолёных ладьях на правый берег. Нападают на прибрежные селения, грабят подземные склады, бывает, и до смертоубийства доходит. Мир, заключённый с лесовиками пятьдесят зим назад, трещит по швам, старосты многих селений склоняются к войне, и, того и гляди, объявят её на совете старост.

К полудню поля закончились, ходоки свернули в перелесок, пересекли его и вышли к мосту. Теперь до самого стойбища обезьян предстояло двигаться вдоль берега и держать ухо востро. Земли за мостом начались необжитые, лес подступал к самой воде, и хищников в нём хватало. Копьезуба одного хотя бы взять. Охотится, правда, копьезуб ночью, но вполне может напасть, если его дневной сон невзначай потревожить. Также может вымахнуть из чащобы стая когтярей, у них как раз начинается гон, а когда гон, осторожные трусоватые когтяри становятся опасны. Ну, и кто знает, не перебрались ли на правый берег ниже по течению лесовики и не сидят ли сейчас в засаде? Там, где река выходит из ущелья и становится спокойной, переплыть её на быстрых ладьях дело нехитрое.

Мост охраняли. С обеих сторон, хотя с правого берега прячущийся в чаще пост лесовиков видно не было. Был мост подвесной, из гибких и прочных прутьев лозовника. Сооружали его давно, полста зим назад, сразу после того, как ушли плохие обезьяны и наступил мир. Старый Сеятель ещё помнил те времена и рассказывал, как полевики сватали молодых лесовичек на ярмарках по обе стороны моста.

Ярмарки, однако, давно уже в прошлом, и мира с лесовиками больше нет, истончился мир, переродился и теперь лишь вопрос дней, когда он обернётся войной. И кому в ней праздновать победу, во многом будет зависеть от того, как сложатся торги с обезьянами. Если, конечно, эти торги состоятся...

Разведчики следили за обезьянами давно, с того самого дня, как их извергла из чрева спустившаяся с небес обезьянья матка. Было обезьян две: одна большая, здоровенная и лысая, другая ей по плечо, тощая, вертлявая и лохматая. По словам разведчиков выходило, что обезьяны хорошие, смирные и неопасные. Не чета тем, давним, которыми матери пугали детёнышей и которые убивали что полевиков, что лесовиков без разбора. Прожигали их насквозь из плюющихся огнём палок и сдирали с убитых шкуры. Однако разведчики разведчиками, но что обезьяны умеют обманывать и лицемерить, известно всякому. С отцовских слов известно, а тем — с дедовских.

К обезьяньему стойбищу вышли, когда солнце начало уже закатываться за левобережные холмы. Раскинулось стойбище в речной излучине, было оно огромным, в сотню раз больше любой, даже самой просторной хижины. Уродливая, разлапистая обезьянья матка застыла в двух сотнях шагов от стойбища и была, по всему судя, мертва. По крайней мере, по словам разведчиков выходило, что матка недвижима с того самого мгновения, как, выполнив свою детородную функцию, затащила чудовищную дыру в чреве.

— Переночуем на опушке, — решил Косарь. — А торги откроем с утра.

Ходоки разгрузили молокоарниц, привязали их к стволу могучего древнего широколиста и принялись устраиваться на ночлег.

— Боязно мне, — поделился с Косарем Хлебодел перед тем, как улечься. — От обезьян жди беды. Поди знай, что у них на уме...

Косарь не ответил. Ему тоже было не по себе.

* * *

Алекс проснулся от гремевшего на всю станцию механического голоса. Принадлежал голос Гранту, роботу-защитнику, за ненадобностью частично демонтированному и переведённому в стационарный режим.

— Внимание! — щедро расходовал децибелы Грант. — Всему персоналу! Группа теплокровных существ пересекла внешнюю границу подконтрольной территории и движется к станции. Повторяю: всему персоналу...

Алекс вскочил и, бранясь спросонья, принялся одеваться. Лишь когда влез в брюки, он сообразил, что они с Морисом не на Палладе, где приближение теплокровных наверняка означало атаку панцирных паукоящеров, а на мирной и спокойной Эвридике. Атаковали здесь разве что стаи мошкары, способной в худшем случае вызвать неприятный зуд в местах укусов.

— Поторапливайся, пожалуйста! — подбодрил из коридора Морис. — К нам тут настоящая делегация.

— Сурки? — уточнил Алекс, застёгивая комбинезон.

— Ну, а кто же ещё? Они самые. Только бы не спугнуть...

Сурками называли аборигенов, хотя на грызунов те были похожи лишь внешне и ни под одну земную классификацию млекопитающих не попадали. Передвигались аборигены на двух конечностях, ростом были взрослому человеку по пояс и щеголяли десятком расцветок от тёмно-бурой до пепельной.

— Алекс, пожалуйста, поскорее! — занервничал Морис. — Они уже на подходе.

— Ничего, чай не баре, подождут.

Алекс sprыснул репеллентом наголо бритую голову, козырьком назад нацепил на неё кепку и выбрался в коридор.

Майк Гелприн родился в 1961 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский политехнический институт. В 1994 году переехал в США. Автор большого количества фантастических и юмористических рассказов, опубликованных в России, США, Украине, Германии. Живёт в Нью-Йорке.

Вдвоём с Морисом они подхватили громоздкий двухпудовый транслятор и потащили его на выход.

Сурков оказалось пятеро, в поводу они вели четырёх навьюченных молочных животных, смахивающих на гибрид коровы со свиньёй. Возглавлял процессию рослый индивид, рыжий, осанистый, с мощными верхними конечностями, с копьём на плече и топором за поясом из чешуйчатой кожи.

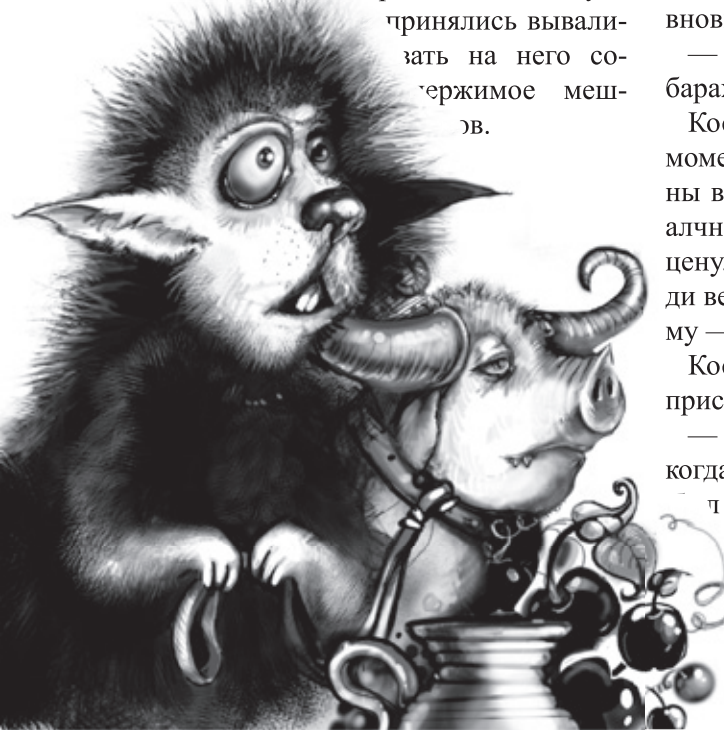
— Приветствую вас, друзья! — Морис подключил транслятор, мгновенно разразившийся неприятным скрипучим визгом. — Рады вас видеть. Меня зовут Морис, это Алекс. Присаживайтесь, располагайтесь. Как поживаете, как здоровье, как...

— Ты ещё расшаркайся, — отстранил Мориса в сторону Алекс. — С ними проще надо, — буркнул он. — Здорово, парни, чего притопали?

***

Хлебодел с Садовником расстелили на земле покрывало из кривоклювного пуха

принялись вываливать на него содержимое мешков.

— Красноплоды отборные, — комментировал, опасливо косясь на горящий ящик, Косарь. — Сладкие, сочные! Ягода зеленика. Она, наоборот, кислая и вяжет рот. Грибы пыхари, грибы водопьяны, грибы раскидаи. Орехи...

Лысая обезьяна Алекс придирчиво осматривала товары и трубила ртом лохматой обезьяне Морису. Одновременно трубил и горящий ящик. Косарь догадывался, что ящик рассказывает обезьянам то же, что и он, только на обезьяньем языке. Однако как именно ящик это проделывает, оставалось неизвестным.

Когда выложили весь товар, Косарь замолчал. Лохматая обезьяна Морис тут же затрубила ртом. Через мгновение щёлкнул и заговорил на языке полевику ящик.

— Это всё прекрасные вещи, друзья! — сообщил ящик. — Просто, можно сказать, замечательные и наверняка съедобные. Однако позвольте узнать, что бы вы хотели взамен? Мы, конечно...

Ящик внезапно умолк, и одновременно захлопнула рот лохматая обезьяна Морис. Через мгновения, однако, ящик заговорил вновь на пару с лысой обезьяной Алексом.

— Короче, парни! Что хотите за всё это барахло?

Косарь понял, что наступает решающий момент. Обе обезьяны явно заинтересованы в торгах. Лохматая не скрывает своей алчности, а лысая грубит, чтобы сбить цену. И обе почему-то спешат, хотя впереди весь день, а торги, как известно каждому — дело обстоятельное.

Косарь приосанился, опёрся на копьё и приступил к вступительной части.

— Очень, очень давно, — поведал он, — когда я ещё не родился на свет, а мой отец с детёнышем, на нашу землю пришли обезьяны. Их родила огромная, упавшая с неба матка. Это были злые обезьяны и свирепые...

***

Эвридика, четвёртая от светила

планета системы Эпсилон Индейца, была обнаружена научно-исследовательской экспедицией полсотни лет назад по местному исчислению.

Первыми, однако, на планету высадились не учёные, а гораздо более оперативные браконьеры.

О бойне, которую они на Эвридике устроили, на Земле потом говорили как об одном из самых страшных актов вандализма за всю историю человеческой цивилизации.

За горжетки, пелерины и шубы из сурочьих шкур платили баснословные деньги. Хлынувшие на планету любители лёгкой наживы за год истребили половину коренного населения и, несомненно, истребили бы и оставшуюся, не опомнись, наконец, военные. Браконьеров взяли к ногтю, а Эвридику незамедлительно объявили заповедником и зоной, свободной от земного присутствия. Орбитальные сторожевые спутники перекрыли доступ в стратосферу, и четыре десятка лет на планету не ступала нога человека. Первые станции, лаборатории и базы появились лишь со сменой двух местных поколений. Свидетелей истребления на Эвридике осталось немного, память о злодействах полувековой давности поугасла, и появилась надежда начать отношения с местной цивилизацией с чистого листа.

За десять лет, впрочем, существенных успехов добиться не удалось. На контакт аборигены шли неохотно, в селения пришлых не допускали и держались отчуждённо и настороженно.

— То были плохие обезьяны, — подтвердил Алекс. — Очень жестокие, очень злые. Но их больше нет. Валяй дальше, дружище.

— Плохие обезьяны убивали полевику, — неспешно продолжил абориген. — И лесовиков убивали тоже. Потом, когда плохие обезьяны ушли, полевики и лесовики стали жить в мире и прожили в мире много зим.

— Так, так, — подбодрил Алекс. — Ты полевик, правильно я угадал?

— Но прошли зимы, — проигнорировал вопрос визитёр, — и лесовики забыли мирные клятвы. Они злы и ленивы, они не трудятся на полях, а пропитание добывают охотой. Лесовики убивают, чтобы жить, и дни проводят в праздности, а полевики, чтобы жить, трудятся и возделывают землю.

— Крайне интересно, друг мой, крайне! — встрял Морис. — Значит, получается, что у вас, так сказать, назревает конфликт? Продолжайте, пожалуйста, мы внимательно слушаем...

— Время шло, и лесовикам стало не хватать пищи. Тогда они решили, что могут отобрать её у нас. Они стали нападать на наши селения и грабить, а если кто сопротивлялся — убивать. С каждой новой зимой они нападали на нас всё чаще, редко какое селение беда обошла стороной. Так продолжалось до тех пор, пока терпеть нам стало больше не вмоготу. Будет война, большая война, и много народу по оба берега погибнет, и жёны станут вдовами, и детёныши потеряют отцов.

Алекс переглянулся с Морисом. — Воевать плохо, — сказал Алекс. — Очень плохо. Надо быть полными дураками, чтобы воевать, парень.

Сурок с минуту простоял, молча переваривая пацифистскую информацию, потом продолжил:

— Лысая обезьяна Алекс права — воевать плохо. Мы не хотим воевать, но что же нам делать? Мы пришли к вам. Вы, обезьяны, виноваты перед нашим народом. Дайте нам огнеплюющие палки, купите вину. Не за так — мы принесли товары в обмен. Мы всё отдадим — плоды, ягоды, овощи, зерно. Всё, что у нас есть. Попробуйте — наши плоды вкусны, зерно наваристо, ягоды налиты соком. Это всё будет ваше, и мы принесём во много раз больше. Забирайте, — абориген описал лапой круг над подстилкой с выложенной на ней снедью. — За всё это мы хотим три огнеплюющих палки. Что скажете?

Алекс стянул с головы кепку и ошеломлённо почесал лысину. Затем потянулся, выключил транслятор и обернулся к Морису.

— Хорошенькое дельце... — сказал он. — Этот мохнатый — тот ещё жох. Пристыдил нас за прошлые грехи, а теперь торгует у нас огнестрельное и набивает цену своему товару. Причём, довольно толково это продельывает. Я бы сказал — убедительно. Ну, и что будем делать?

— Пойдите, — Морис вновь включил транслятор. — Огнеплюющие палки очень опасные штуки, друг мой, — принялся убеждать он. — Вы даже не представляете, насколько они опасны. Кроме того, это очень сложные в обращении вещи.

— Лохматая обезьяна Морис права, — согласился абориген. — Огнеплюющие палки очень хороши. Я готов сбавить цену. Две палки за всё.

— Друг мой, поймите, не в количестве дело. Давайте лучше подумаем, как мы можем помочь вам. Что мы можем сделать, чтобы избежать войны.

— Хорошо... — абориген насупился. — Я вижу, что ты дорожишь своим товаром. Твоё упорство похвально, на обезьяньих ярмарках ты, должно быть, знатный купец. Что ж, я согласен! Одну палку за всё, и мою дружбу в придачу.

— Да поймите же...

— Погоди, — Алекс поднялся, шагнул вперёд. — Мы подумаем, — выпалил он. — Ответ дадим через неделю. Вот тогда и приходите. И товары свои забирайте, понятно? Всё, через неделю поговорим. Аось, за это время вы тут друг друга не перережете...

* * *

Старый Птицелов, кряхтя, уселся в корнях поваленного ураганом выворотня и оглядел ходоков.

— Обезьяны сильны и злобны, — напомнил Птицелов. — Не забывайте об этом.

Волкодав почтительно слушал. Старик

знает, что говорит, он пережил восемь десятков зим, но сохранил и память, и ясность ума.

— Новые обезьяны не убивают лесовиков, — продолжил Птицелов. — Они притворяются смиренными и дружелюбными, однако, кто знает, что они могут затеять. Так или иначе, огненные палки обезьян нужны нам.

— Это так, — подтвердил Волкодав, и остальные ходоки зашумели согласно.

— Всякое дело нужно стараться уладить миром, — произнёс Птицелов рассудительно. — Обезьяны падки до шкур и любят мясо. Предложите им честный обмен. Но если они не согласятся... — старик оглядел ходоков. — Обезьяну тоже можно убить.

— Расскажи, как ты убил обезьяну, — почтительно попросил Волкодав.

Старик уселся поудобнее. Это хорошо, что молодёжь спрашивает о делах дней минувших. Кому, как не Птицелову, видевшему давние события воочию, рассказывать о них.

— То была плохая обезьяна, — начал старик. — Очень плохая, крупная и свирепая. Она охотилась без стаи, потому что была жадная и не желала делиться добычей с сородичами. И было к этой обезьяне не подойти, потому что её охраняли два ручных волка, таких же злых, как она сама.

— Ручных волков не бывает, — осторожно возразил Волкодав.

— У обезьян всё бывает! — рассердился старик. — То были особые волки, которые для этой обезьяны охотились. Они втроём убили много народу и на правом берегу, и на левом. Все боялись этой обезьяны и при её приближении бежали без оглядки и прятались. И тогда мы с Полеводом...

— С Полеводом? — удивился Волкодав. — Странное имя для лесовика.

— Он не был лесовиком, — насупился старик. — Но он был отважным воином и моим другом. Полевод метнул сдобренную ядом ехидны стрелу и убил одного

волка и схватился с другим, когда тот бросился на него. И тогда я спрыгнул из ветвей широколиста обезьяне на плечи...

* * *

Из селения вышли затемно и к восходу красной луны добрались до моста. Перекинувшись парой слов с дозорными на посту, двинулись дальше.

В ночном лесу для Волкодава не было тайн, он знал его как собственное жилище. Он видел лес, обонял его, осязал и слышал. За сто шагов по шороху определял скользнувшую под корягу змею или сиганувшую с ветви на ветвь белку. За двести по запаху чуял когтяря, девятихвоста и копызуба. На ощупь, по примятости травы, высчитывал, как давно к водопою прошло стадо копытников.

Реку по мелководью перешли вброд и до стойбища обезьян добрались к рассвету. Хоронясь на опушке, до полудня наблюдали за двумя снующими по стойбищу обезьянами.

— Идём, — решил Волкодав, когда солнце перевалило через зенит. — Ничего не бойтесь, — бросил он сородичам. — Помните, что сказал Птицелов? Обезьяны злы и коварны. Но их можно убить.

* * *

— Так-так, мой друг, — подбодрил Морис приземистого коренастого индивида, тёмно-серого с редкими белёсыми подпалинами. — Значит, вы говорите, что плохие обезьяны ушли. И что было дальше?

История про плохих обезьян мало чем отличалась от вчерашней. Разве что рассказывал её тёмно-серый лаконичнее, чем давешний рыжий.

— Плохие обезьяны были общей бедой. Когда они ушли, мы дали полевикам клятву мира. Однако они оказались неблагодарными. Полевики стали поднимать цены на зерно, а на мясо и шкуры — сбивать. Им нет дела до того, что

земля на правом берегу рыхлая, сочная и плодородная, а на левобережье скудная и каменистая. Их не заботит, что лесовиков в пять, а то и в десять раз меньше, чем их, потому что лесовички не знают, как прокормить детёнышей, и боятся рожать. Им безразлично, что добыча уходит из наших лесов и с каждой зимой охота становится всё скуднее. Они заботятся лишь о том, чтобы набить брюхо. Они жадны, трусливы и нечисты на руку — надуть на торгах для них привычное дело.

— Ясно, — Алекс задумчиво поскрёб лысину. — Правды, как всегда, две, — бросил он Морису. — Бьюсь об заклад, сейчас речь зайдёт о винтовках. Что тебе от нас надо? — обернулся Алекс к визитёру.

— Огненные палки, — твёрдо ответил тот. — Вот в этих мешках — шкуры. Есть дымчатые шкуры крысюка, пятнистые древесной кошки, мохнатые шкуры когтярей, много разных шкур, очень

красивых и тёплых. А в тех торбах мясо — копчёное, солёное, вяленое — на любой вкус.

— И вы желаете обменять своё добро на палки, так? — уточнил Морис.

— Нет, не желаем.

— Да ну? — изумился Алекс.

— Мы дарим обезьянам все эти вещи, — гордо ответил гость. — Забирайте. Сейчас мы уйдём и вернёмся завтра. У обезьян будет время осмотреть дары и обдумать, как отблагодарить нас.

— Постойте, друг мой, но так же не делается, — возмутился Морис. — Что значит «обдумать, как отблагодарить»? А если мы не захотим думать? Если ваши дары, к примеру сказать, нам не подойдут?

Тёмно-серый сурик подобрался, распрямил плечи.

— Лесовиков мало, — сказал он неторопливо, и Алекс вдруг уловил исходящую от аборигена угрозу. — Нас намного меньше, чем жирных трусливых полеви́ков. Но пускай обезьяны запомнят: каждый из нас — охотник и воин. Каждый.

— Тебе не кажется, что это был ультиматум? — озабоченно спросил Морис, едва сурки растворились в подлеске.

— Какое там «кажется»! Это именно он и был. Ну, и что нам делать?

— Ответ с базы придёт, видимо, скоро, — уныло рассудил Морис. — Да и толку с него, по чести говоря...

На базу радировали сразу после ухода первой делегации. Ознакомили с положением и запросили инструкций. Ответа, с учётом цветущей на базе бюрократии, следовало ждать долго.

— Посоветуемся с Грантом, — решил Алекс. — Пускай покопается у себя в базе данных, авось, что-нибудь подходящее и найдёт.

* * *

На изучение базы данных и анализ у Гранта ушёл добрый час.

— Рекомендации такие, хозяин, — вы-

дал он терпеливо ожидающемуся результатов Алексу. — Есть два варианта. Первый: меня необходимо перевести в активный режим. Расконсервировать корпус, смонтировать батареи, запитать сервомоторы, подключить...

— Что, подустал на стационаре? — посочувствовал Алекс.

— Аборигены в большом количестве могут оказаться опасны, — не оценил шутку Грант. — Если действовать по первому варианту, я бы на вашем месте поторопился, хозяин.

— Хорошо. Что за второй вариант?

— Второй — радикальный. Демонтировать станцию, загрузиться в посадочный модуль и убраться отсюда на орбиту.

— Это ты брось! — нахмурился Алекс. — Чего это на орбиту? Мы удерём, а лесные сурки возьмут и перережут аграриев. Или наоборот. Или они друг друга перережут.

— История цивилизаций, хозяин, это история войн. Позволю себе напомнить, что вмешательство категорически запрещено кодексом Внеземелья.

— Никто не собирается вмешиваться! — рассердился Алекс. — Мы с Морисом головы ломаем, как предотвратить резню, а он тут заладил: «опасности, убраться, запрещено».

— Виноват, хозяин. Других вариантов у меня нет.

Мориса Алекс разыскал в станционной лаборатории. Сгорбившись в телескопическом кресле, тот сосредоточенно прослушивал запись бесед с аборигенами.

— Поднимайся, дружище, — нарушил уединение напарника Алекс. — Нам с тобой предстоит или перейти на военное положение, или убраться отсюда в космос. И то, и другое — рекомендации нашего друга Гранта.

— Гранта, Гранта... — повторил Морис рассеянно. — А ну, прослушай-ка это место: «Потом, когда плохие обезьяны ушли, полевики и лесовики стали жить в мире и прожили в мире много зим».

— Ну, прослушал, — поскрёб лысину Алекс. — Это тот говорил, рыжий. И что?

— Теперь это: «Плохие обезьяны были общей бедой. Когда они ушли, мы дали полевикам клятву мира». Что скажешь?

— Да ничего, что тут говорить. Если честно, я уже подустал от местного фольклора. Плохая обезьяна, хорошая обезьяна. Лохматая обезьяна, лысая...

— Дорогая лысая обезьяна Алекс, — Морис поднялся. — У меня, кажется, есть идея!

* * *

— Ступай отсюда, — велел на следующий день Алекс наглому тёмно-серому аборигену. — Большая черепаха пришла, не до вас нам.

— Лысая обезьяна лжёт, — не поверил тёмно-серый. — Черепахи не опасны и не охотятся на обезьян.

— Это особая черепаха, — объяснил Алекс. — Она охотится на всех.

Абориген недоверчиво осмотрел окрестности.

— Я не вижу никакой черепахи, — сообщил он.

— Боюсь, что скоро увидишь.

Оставив аборигена осмысливать новости, Алекс скрылся за станционной дверью.

— Приступим, — бросил ожидающий за нею Морис.

* * *

В селении готовились к войне. Полевички с восхода до заката резали прутья для стрел, скребками сдирали кору со стволов молодых узколистов, превращая их в древки для копий. Полевики крепили к древкам острые наконечники, другие точили каменные топоры и ножи.

Косарь сторонился односельчан и старался избегать соседей. Сородичи не прекали Косаря, но он знал, что торги сорвались по его вине. Он совершил ошибку,

поспешно опуская цену. И, конечно, хитрые обезьяны смекнули, насколько полевикам необходим их товар. Теперь обезьяны будут тянуть время и ждать новых уступок. Косарь сам на их месте поступил бы так же.

Беда пришла под утро.

— Вставайте, вставайте все! — надрылся примчавшийся с юга гонец.

Косарь выскочил из хижины наружу и оцепенел. С юга доносился тревожный неровный гул, земля подрагивала под ногами, сполохи невиданного огня неслись в небо навстречу красной луне. Из леса вынырнула стая перепуганных когтярей, опрометью пронеслась через селение и сгинула в утренних сумерках. Промчался ошалевший от страха копыезуб, за ним другой, третий. Повизгивая, протопало и убралось на север стадо копытников.

Гул приближался, вскоре он превратился в грохот, за ним в рёв.

— Бежим! — истошно заорал Хлебодел, и ему вторили десятки других голосов.

Схватив копьё, Косарь помчался навстречу грохоту и рёву. Пронёсся через заросли ягодного кустарника, одолел редколесье, напрямик форсировал болото, взлетел на пригорок и враз увидел взбирающегося по каменистому склону исполинского зверя. Был зверь ростом с самый высоченный широколист и был он ужасен. С чудовищными лапами, от поступи которых проседала земля, с огромной квадратной башкой и горящими на ней страшными жёлтыми глазищами. Коридор из поваленных, выкорчеванных деревьев за спиной зверя разрезал лес пополам.

Косарь задрожал от ужаса. Ему хотелось немедленно бежать без оглядки прочь и не останавливаться, пока хватит сил.

Страшно было отчаянно, смертельно, и Косарь сам не знал, как заставил себя остаться на месте. Дождавшись, когда зверь приблизился на сорок шагов, он метнул копьё. Выдернул из колчана отравленные стрелы и одну за другой пустил их, метя в глаза.

Зверь на мгновение замер и двинулся дальше. Копьё и стрелы отскочили от него, как от каменной глыбы. Панцирь, понял Косарь, скатившись с холма. Это чудовище ещё и неуязвимо.

Зверь выбрался на вершину пригорка, огляделся и сменил направление. Теперь он двигался на северо-восток, неспешно, неторопливо. Ломая деревья, пересёк ореховую рощу, топча кусты, продрался через малинник и выбрался в поле. Косарь, едва не рыдая от горя, следовал за ним.

Методично вытаптывая посеvy, зверь пересёк поле, снёс ограду молокоарного загона, обрушил крыши пастушеских хижин и остановился. Пару мгновений постоял, словно в задумчивости, затем развернулся и двинулся к реке.

* * *

— Вот она, черепаха... — прохрипел старый Птицелов.

Три сотни воинов, скрываясь за стволами, застыли. Намертво зажав в кулаке древко копья, Волкодав заворуженно смотрел, как гигантская черепаха выбралась из леса и ступила на мост.

«Она охотится на всех», — вспомнил

Волкодав. Лысая обезьяна не соврала — пришла большая беда. Взрывавая и раскачивая мост, черепаха двинулась к левому берегу. Одним своим видом она навредила ужас — впервые в жизни Волкодаву стало по-настоящему страшно.

Внезапно из правобережного леса к мосту метнулся рослый плечистый полевик. Волкодав ахнул — выдернув из-за пояса топор, полевик принялся рубить мост у черепахи за спиной...

хи за спиной...

* * *

Надрывая жилы, Косарь с размаху всаживал каменное лезвие в переплетения прутьев. Краем глаза он видел, как опасно передвигается, взрывавая и то и дело останавливаясь, исполинский зверь. Мост раскачивался под ним, зверь с трудом удерживал равновесие, но, тем не менее, настойчиво, шаг за шагом двигался дальше.

Косарь спешил. Размах, удар, снова размах, ещё один удар и ещё... Прутья были крепкими и упругими, они не поддавались, ходуном ходящий под ногами настил не давал точно примериться, и с каждым новым ударом истончались, покидали Косаря силы.

Вместе с ними, однако, истончался и мост. Разрубленные вязанки прутьев топорщились из него лохмотьями, а целых становилось всё меньше.

* * *

— Ну же, давай! — мысленно подбадривал полевика Волкодав.

У того явно заканчивались силы. Удары топора становились всё реже, размахи — короче.

Черепаха приближалась. Вот уже ей осталось пятьдесят шагов до левого берега, потом сорок...

— Готовьтесь! — крикнул старый Птицелов. — Готовьтесь, братья!

В этот момент правобережный конец моста затрещал, оторвался и провалился вниз. Волкодав вымахнул из-за ствола узколиста, метнулся и замер на краю обрыва. Мост с уцепившимся за него чудовищем пролетел над рекой и грянулся о левобережную скалу. Черепаха взревела. Размахивая конечностями, она обрушилась в реку, и вода в реке закипела. Волкодав, однако, на клубы пара уже не смотрел. За мгновение до того, как черепаху приложило о скалу, с перерубленного конца моста сорвалась и полетела вниз на стремнину рыжая фигура.

Ломая кусты, Волкодав скатился по склону. Не обращая внимания на боль в избитом о камни теле, сиганул в воду и погрёб туда, где то появлялась над поверхностью, то исчезала под ней рыжая голова. Выплыл на стремнину, барахтаясь в пенных бурунах, докатился до рыжего. Ухватил зубами за шкурку и, задыхаясь от натуги, поволок к берегу.

* * *

— Жалко Гранта, — вздохнул Морис, помогая Алексу нацепить на плечи рюкзак с транслятором.

— Ничего, блоки наверняка не пострадали, — утешил Алекс. — Выудим их со дна, а новый корпус закажем на базе.

— Всё равно жалко.

— Ладно, поторапливайся, жалельщик, а то без нас начнётся.

Ярмарку по поводу заключения мира решили устроить на правом берегу. Алекса с Морисом пригласили в качестве почётных гостей и будущих мостостроителей. Починить мост они вызвались из

благодарности аборигенам за умерщвление грозы обезьян — гигантской злобной черепахи.

— Интересно, насколько его хватит, мира? — задумчиво пробормотал Алекс, пропуская Мориса в дверь.

Морис пожал плечами.

— Как закончится, запустим новую черепаху.

Алекс покивал.

— Лохматая обезьяна Морис, ты необычайно креативна.

— Спасибо, лысая обезьяна Алекс.

На ярмарке рыжий знакомец, возглавлявший первую делегацию, попотчевал напарников молоком, по качеству ничуть не уступающим коровьему. Рыжий благосклонно выслушал слова благодарности и исчез. Вернулся он, ведя в поводу местное дойное животное, похожее на помесь коровы со свиньёй. По словам рыжего, животное мало того, что производило ведро молока в день, но ещё и было незаменимо при перевозке грузов.

Для пробы Алекс навьючил на животное рюкзак с транслятором, на что оно отреагировало тонким повизгиванием — как объяснил рыжий, от радости. В обмен на скотину Алекс предложил отличный полевой бинокль, но в результате последовавших ожесточённых торгов вынужден был добавить ещё и флягу. Ударили по рукам, и абориген мгновенно смылся, а ещё через полчаса животное взвизгнуло и издохло.

Явившийся на смену рыжему наглый тёмно-серый сурок, тот, что возглавлял вторую делегацию, осмотрел покойницу и констатировал смерть от старости.

— Мой брат велел передать, — напустив на себя важности, сообщил тёмно-серый, — что теперь обезьяны с ним квиты.

Морис досадливо крякнул.

— Лысая обезьяна Алекс, мы с тобой настоящие болваны, — поведал он.

За что именно сквитался рыжий абориген, выяснить, впрочем, не удалось.

Делит

Под утро, просидев всю ночь в Интернете, Сверчков наткнулся на странный сайт. Весь он был направлен против наркотиков, а в конце имелась сноска: «Хотите удалить наркотики навсегда, нажмите клавишу Delete». Сверчков ухмыльнулся, надавил на «Делит» и пошёл спать.

К вечеру все сводки теленовостей оказались заполнены кадрами горящих складов с наркотиками, взрывающихся подпольных лабораторий и засыхающих на корню маковых плантаций. Удивлённый Сверчков хмыкнул и вновь зашёл на сайт. Теперь там висел баннер «Мир без оружия!» Он подумал, послюнил палец и нажал клавишу «Делит».

Весь следующий день средства массовой информации вопили о катастрофах военных самолётов, спутников и крейсеров, разные генералы взволнованно рассказывали о полной коррозии всего огнестрельного оружия и о массовых всепланетных перемириях.

Вечером на сайте о бездарных продажных политиках Сверчков прочитал призыв «Да отсохнут у взяточников руки!» и нажал «Делит». Вскоре по улицам завывли сирены «скорой помощи» — все машины мчались в сторону центра травматологии и трансплантации. А в двухминутных сводках новостей дикторы затравленно смотрели с экрана и сообщили лишь о погоде и о рождении панды в зоопарке Шанхая — никакой политики.

Евгений Обухов родился в 1954 году. Известный писатель-сатирик, автор нескольких книг юмористической прозы, однако, не чужда ему и фантастика. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе и Союза писателей России, лауреат премий «Литературной газеты», «Московского комсомольца», «Крокодила» и др. Живёт в Подмосковье.

Сверчков почувствовал себя всемогущим. Он скинул на сайт свою фотографию и без лишней скромности написал: «Это мне вы должны быть благодарны!».

Когда он ушёл на кухню за пивом, к компу подошёл Сверчков-младший с новым игровым диском. Парень поглядел на незнакомый сайт с фотографией отца и, чтобы ускорить процесс, нажал клавишу «Делит».

Пока диск с бродилками и стрелялками загружался, Сверчков-младший пошарил глазами по экрану монитора, где вместо фотки папаша теперь висел баннер «Хочешь вернуть улётное наслаждение? Нажми Ctrl+Alt+F7». Сын надавил клавиши, и процесс пошёл...

Археология

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Чуть поскрипывая, шуршит, вращаясь, гончарный круг. Батя обнимает руками жирную податливую глину, в ладонях расцветает кувшин.

Двери сарая открыты нараспашку — перед ними на траве мать расстилает холсты, пока ещё серые и грубоватые.

Остромирка бежит от матери к отцу, играет с каменной куколкой. Потом подбирает ошметки глины возле гончарного круга и сам начинает лепить.

Отец моет руки, мать подходит — оба смеются. Вот накуделил-то!

Сперва, значит, лошадь с рогами, а зади хвост как у ящерицы. Потом удумал бочку, на ней вроде как кадушка, только всё это ещё и с крыльями. Много чего набуробил, пока родители огонь раздували. А напоследок заленился — три кругляша счалил, как снеговика, на голове заслонку щепкой нарисовал, как у печи. А вокруг глиняных

пестиков понатыкал, колючих, как борода у бати.

Потом канючить начал:

— Батяня, сделай, мне чтоб иглать? Ну, сделай!

— Правда что, — поддержала мать, — обожги ты ему страхомань эту, пусть потешится — вот у тебя в печи место за горшками осталось...

Конференция удалась. Член-корреспондент так и заявил:

— Раскопки дали поразительные результаты. В слое примерно шестнадцатого века найдены многочисленные ритуальные фигурки, причём, по художественному уровню это изделия не ранее пятого века до нашей эры. Таким образом, очевидно, что ими пользовались столетиями и передавали из поколения в поколение.

Ещё удивительнее сама тематика этих артефактов. Без сомнения, они запечатлели реалии жизни наших предков. И здесь мы видим не только динозавров, которые, получается, вымерли совсем недавно — мы видим точное свидетельство присутствия внеземной цивилизации. Вот изображения летательных аппаратов, а вот и космонавт, каким его увидели предки две с лишним тысячи лет назад.

Уверен, об этих сенсационных находках уже завтра заговорят все телеканалы!

Стольник до застоя

Весь вечер Анчуков ходил по квартире загадочный, притихший. Настолько приосмиревший, что банальный мешок с накопившимся мусором вынес без возражений, с первого же намёка, и ни капли не заартачился. И даже словечком не вспомнил про плохую примету: если выбрасывать мусор на ночь-то глядя... В общем, Лидка сильно обеспокоилась. Настолько сильно, что вошла на кухню и сдвинула, расплескав на стол, из-под носа задумчивого мужа тарелку с куриным бульоном.

— Чего завис? Признавайся быстро! Вы что, с Яковлевым и с Шалаевым на рыбалку в выходные намылились?

— Нет, откуда ты взяла...

Он попробовал тихо вернуть еду на прежнее место, завязалась лёгкая борьба.

— Скажи сперва! Значит, скутер выдумал купить? То-то вчера весь вечер нахваливал!..

— И не скутер, Лидия, — Анчуков наконец победил в борьбе за тарелку и прикрыл её локтем. — Скажу уж. Дело в машине времени.

— Тьфу! Диск, что ль, этого Макаронича купил? На кой тебе?

— Причём тут музыка... Я так понял, Лидка, что построили, наконец, настоящую машину времени. У нас на заводе.

— Да, ну?!

— Салазки гну! Ты присядь, присядь.

Лидка села. Во-первых, Анчуков не обладал чувством юмора, и по большим проблемам шутить не шутил. А во-вторых, трудился он на военном заводе, который все в посёлке называли то «ящик», то «восьмисотый». И однажды по молодости даже взялся вытаскивать то в трусах, то в шевелюре под кепкой детальки из того, что ежедневно красил. Работяги-ветераны сказали ему как в анекдоте: «Наносишь, сколько надо, и дома пулемёт соберёшь». Анчуков наносил и собрал, получился угластый зелёный ящик вроде как для патронов или противогаров. Это особенно испугало тогда Лидку — что не пулемёт, а ящик-то. Она и родила раньше срока, и Анчукову впредь запретила даже гвоздь с работы, строго-настроено. Так что теперь поверила сразу. А муж продолжил:

— Скочигорова помнишь, Серёгу? Ну, на мартовском огоньке за соседним столом сидел, ещё напился и песни в ведро с оливьём орал?

— Ну?

— Вот и ну. Вторую неделю ходит по отделам и у всех спрашивает: продайте, мол, деньги советские. У многих же после гайдоровизации остались — у кого в чулке, у кого в шкафчике... За каждую купюру на

пиво даёт, а собирает сотни, полсотни и четвертные. Не ниже.

— Ну и что, причём тут машина времени?

— О-о, господи! Да объясняю! Хотят, думаю, заслать человека в те годы — после оттепели, но до застоя. А если засылать, то настоящие деньги нужны. Сейчас вот он наберёт — и его туда! А ты помнишь, в те хрущёвские годы даже на одну сотню горы своротить можно было?! Что ты! Он уж тыщ на десять набрал, я сам видел.

— Ой, Анчуков, поняла! А нам-то, нам чего делать?!

— Кумекаю я, что стоит продать Скочигорову три деньги, которые у нас возле зеркала пришили. Пусть их. Но не просто продать, а попросить и нам чего-нибудь купить, в советском-то прошлом! Привези, мол...

— Да, да... А что попросить-то? Что?! Советского шампанского? Икры?

— Да вон она, все прилавки в икре.

— Тут у нас дорогая... Или нет — пусть у Гагарина автограф возьмёт. Лучше несколько. Я читала — они сейчас по тысяче долларов идут. А к Гагарину поедет автограф брать — пусть шоколадку ему купит.

— Тьфу! Вот бабий ум! Зачем Гагарину шоколадка?

— Ему приятно будет...

— Нет, не то, не то! Из одежды?.. Книжки какие?.. У начинающего Церетели статуэтку приобрести? Ой, господи, голова разламывается!

Совсем отчаявшись что-то придумать, Анчуков махнул рукой:

— Ну, не знаю!.. Хотя, вот что! Раз уж совсем эти три стольника пристроить не можем, пусть он один себе возьмёт, а два матери моей пошлёт переводом. Она ж тогда до смерти в деревне жила, пенсия тридцать два рубля — а тут сразу двести! Вот удивится! Удивилась бы...

— Ну, если только ради удивления... — вяло согласилась Лидка, вспомнив свекровь.

Но на завтра Скочигоров, к которому Анчуков подошёл с купюрами в обеденный перерыв, только хмыкнул:

— У тебя, Анчук, наверно, птичья болезнь? Перепил, называется! Какая, на хрен, машина времени, когда наш завод давно на табуретки и кастрюли перешёл! А купюры определённых лет я для сына собираю, он на коллекционерах бизнес делает, понял? Те, которые не беру — не редкие. А вот эти подороже стоят. Три твоих, ладно уж, за четыре бутылки возьму, раз ты так дотошно вникаешь...

На том и порешили. Посмеявшись над собой, Анчуков отдал старые купюры, даже не потрудившись вынуть их из конверта с адресом матери, по которому та дожила свой век.

Кроме пива, курьёз этот имел и другое положительное последствие. Снятые с обоев купюры явили взорам три светлых невыгоревших прямоугольника возле зеркала. И, разглядывая это безобразие, нашли за багетом залитое чаем письмо матери с датой 1966 года.

«Дорогой мой Витенька, — писала мать, — радываюсь я, как ты встал на ноги. Работаешь в городе как человек. А особенно радываюсь, что прислал мне огромные деньги переводом, теперь хватит и поросёночка в зиму пустить, и телка по весне купить, давно я о корове взамен Чаечки мечту держала...»

Письмо прочитали, но ничего спустя сорок лет не вспомнили: какие такие огромные деньги? Лидка только спросила с подозрением:

— Ты тайком что ль, посылал?

— Что я дурак — тайком? Мы как раз тогда на дачу копили!

Лидка поверила. И правильно сделала. Потому что странная ситуация уже наутро напрочь улетучилась у Анчуковых из головы и больше уж их никогда не беспокоила.

Барсик

— Ой, Барсик мой потерялся! За дверь высклинул, пока я газеты вынимала. Никто не видел моего Барсиньку?

Бабки на лавочке не видели. Или просто не сказали: им было приятно, что наглый банально-камышовой окраски Барсик, мордатый обладатель гнусного голоса, орущий с балкона в самое непотребное время — потерялся.

А кот в это время шёл, высоко переставляя лапы, по травке в школьном садике. Душа его пела. Он выбирал место, где совершить своё важное дело, и радовался тому, что на улице есть возможность выбирать. Его уже воротило от одного вида домашнего лотка с наполнителем и от тесноты балкона, на который его выпускали как бы гулять. На воле-то совсем другое дело!..

Барсик запрыгнул в песочницу, отклячил хвост, потоптался задними лапами, угнёздываясь. Но вне домашнего уюта сразу почему-то не получилось. Отвлекали частности. Вдоль плотной и потому непреодолимой железной ограды деловито пробежал клочкастый барбос, зарычал и сипло брехнул, пугая. Барсик напрягся — не получилось всё равно.

Низко пролетел в сторону соседнего Домодедова вибрирующий, воющий, огнедышащий самолёт с делегацией. Потом по дорожке вдоль школьной ограды протащился, грохоча доньшком пустой бутылки по металлическим прутьям, ещё более ужасный пьяный. Когда стекло лопнуло и рассыпалось, мужик повертел в кулаке остатки горлышка с «розочкой» и зашвырнул в песочницу. Почти попал, но Барсик и после этого не испытал облегчения.

Тогда он стронулся с места, развернулся, понюхал песок и начал яростно рыть ямку. Мокрые песчинки с задумчивым шелестом полетели в траву. Вскоре чистый слой песка закончился — Барсик вырыл scomканный чёрный пояс дзюдоиста и мохна-

тый теннисный мячик. Потыкавшись в предметы розовым носом, кот взялся рыть ещё усерднее. Вместе с очередной порцией песка из ямы вылетел старый значок с аббревиатурой БАМ, влажная зелёная этикетка от водки за 2.87 и обрывок газеты с портретом Гагарина.

Ямища углублялась. В очередном слое нашёлся эмалевый знак с профилем Сталина и текстом «Больше, выше, сильнее», под ним — буденовка с нашитой матерчатой красной звездой, далее — увесистый медный пятак с двуглавым орлом.

Траншея приобретала всё более солидные очертания. Барсик откопал громоздкий дуэльный пистолет с запавшим курком и длинным стволом, не утратившим цветов побежалости; переломленный пополам французский клинок; горсть поржавевших железных гвоздей ручнойковки; пожухлый лист пергамента с рукописным текстом без начала и конца.

Барсик подналёг. Котлован ещё углубился. Лапы проскрежетали по чешуйкам старинной кольчуги, по черепкам вазы вяржского типа, по костяной фигурке с изображениями скифов. Потом из котлована вылетели в школьный дворик некультипистые глиняные бабы, обрывок шкуры и чёрный кремневый топор...

Но под слоем углей, костей мамонта и пещерного медведя было ещё что-то. Барсик копнул, зацепил когтем и вытащил на кромку кратера миниатюрный полиэкранный телевизор скифско-тунгусской сборки. Фотоэлементы мгновенно отреагировали на свет, дюжина экранов засветилась, и на них появились президенты — пьяные и трезвые, спортивно-подтянутые и не очень, с бумажками и без, с лысыми и с густыми шевелюрами. Все они дружно заговорили о том, как бурно растут в стране зарплаты и пенсии, валовой продукт и сколь неотвратимо приближается улучшение жизни...

Тут-то Барсика и прорвало.

Территория

Любая территория стремится к тому, чтобы удержать занимаемую ею площадь и использует малейшую возможность для её увеличения. Всё, мешающее этому, она вытесняет или уничтожает.

***

— А дороге ихней — хана!
— сказал Пашка.

Был он рыжим, за что и получил кличку «Трассер». Шлемофон ему достался не новый, и голос наводчика слышался слегка надтреснутым, словно со старой пластинки.

Иван молчал. Сидел на месте заряжающего и молчал.

О чём говорить? Сразу было ясно, что эта дорога танковый батальон не выдержит. Почти сорок железяк, каждая весом в тридцать шесть тонн, превращали её в месиво — яма на яме. Жалко. Вполне ничего себе была дорога.

С другой стороны, местные сами этого хотели. И чего людям не живётся? Работают витриной Восточной территории, живут — как сыр в масле катаются, и — довольны. С жиру бесятся. Дома каменные,

Леонид Кудрявцев родился в 1960 году. Один из наиболее ярких и самобытных представителей «четвёртого поколения фантастов», вошедшего в отечественную литературу в 1980-х гг. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе и Союза писателей России, лауреат премии фонда В. П. Астафьева и ряда жанровых премий по фантастике. Живёт в Подмоскowie.

дороги качественные, поля возделанные, леса чистые, словно выметенные веником. Их бы на север, в тайгу, гнус кормить или в деревню грязь месить. Там подобные блага учатся ценить махом.

Здесь одни магазины чего стоят! Зайдешь, — и глаза разбегаются. А у нас, в обычном сельпо, ничего не завозят кроме дешёвых папирос, хлеба да водки по праздникам. Ах да, ещё все полки забиты маринованным хреном. Деликатес, сэр.

Иван приложился к тримплексу¹. Снаружи, за стальной скорлупой брони, был очень интересный мир. Мимо проплывали дома, казавшиеся излишне вытянутыми, непропорционально узкими, чужи-

ми. Он видел такие на иллюстрациях к детским книжкам. В них обычно жил всякий сказочный люд. А ещё нереальность увиденному добавляли едва заметные тени, дарованные тусклым, обложенным свинцовыми тучами небом.

Сон, подумал Иван, мы попали в сон. Ещё подобное могло быть в фильме про вампиров, который он недавно, тайком от Слона смотрел после отбоя, поймав по телевизору западный канал. Вот сейчас по стене одного из этих странных домов, словно паук, пробежит человек в развевающемся плаще. Да нет, это лишь кажется. Вампиры существуют только в кино.

¹ Тримплекс (жаргон танкистов) — призмный перископический прибор наблюдения. Название осталось от использовавшихся ранее на танках щелей наблюдения, закрытых стеклом триплекс.

Заряжающий повернул тримплекс и вдруг заметил впереди, у обочины дороги, группу людей. Стояли они, слегка горбясь, спиной к проезжавшим мимо танкам, словно их вовсе не замечая.

«Ну, точно — дети малые, замыслившие шалость», — подумал Иван.

— Внимание! — приказал командир танка Кухарчик. — Яманди, приготовься. Надо дать копотю.

— Есть! — отозвался механик водитель. — Жду команду.

— Удачно стоят, — сказал Иван.

— Сейчас получают! — воскликнул Трассер.

Кто бы спорил? Получат. Кстати, хорошо, если они собираются только разбить о броню пару пустых бутылок. Как было в городках, оставшихся позади. А если в ход пойдёт что-то серьёзное? «Коктейля Молотова», да **прямоком**

на трансмиссию — вот чего следует опасаться. Впрочем, это маловероятно...

Как всё получится, Иван уже видел. Едва танк окажется на нужном расстоянии, Кухарчик отдаст команду. Механик что-то у себя там нажмёт или повернёт, мотор взвояет, словно раненый зверь, а из выхлопной трубы вырвется облако невообразимо душливого, густо насыщенного копотью дыма. Вынести его невозможно, особенно с непривычки. Местные разбегутся, даже не успев побить бутылки.

В столице, думал Иван, наверняка будет так же. Бузотеры, едва увидев их, словно тараканы, попрячутся по щелям. На этом

всё и закончится. Тоже мне — революционеры выискались...

— Яманди, давай! — азартно крикнул Кухарчик.

— Понял, — ответил механик водитель. Мотор взревел.

***

Теперь Восточная территория увеличилась до размеров, при которых нападения соседей можно было не опасаться. Это потребовало уйму времени, а единиц погибло столько, что их недостаток стал ощутимым. К счастью, непоправимого не случилось. Выручили особенно послушные единицы, за которыми она приглядывала, награждая за успехи, карая за ошибки, создавая благоприятные условия для жизни и развития. Их было процентов десять от общего числа, но этого оказалось достаточно. Как выяснилось, особо послушные надзирали за всеми остальными, увлекая их за собой, принуждали идти в правильном направлении.

Восстанавливая ресурсы,

Восточная готовилась к следующему расширению. Иного варианта будущего она не видела.

***

«Солдаты — это дети малые с большими членами, — вяло думал майор. — Толку хватает лишь очередного птур-

са послать с ведром за клиренсом¹. Пороху они не нюхали, а их бросили в очень, очень скверную заварушку. С другой стороны, как они иначе станут взрослыми? На стрельбищах и вышагивая строевым по плацу? Фигушки! Губозакаточный механизм в полный рост».

За окном «бобика» проплывали силуэты танков. Водитель, здоровенный горец, то и дело поглядывал в их сторону. Словно ждал, что одна из стальных громадин двинется с места, попытается раздавить.

«Не туда бдит, — подумал майор, — в другую сторону надо смотреть. Опасаться следует, к примеру, бунтовщика, надумавшего шамальнуть с крыши придорожного сарая, из заныканого с войны “шмайсе-ра”».

Он покосился на сидевшего рядом вдохновителя. Тот, похоже, думал о чём-то неприятном, глядел перед собой, набычившись, и здорово сейчас смахивал на постаревшего слона. Солдаты зря кличек не дают. Такой он и есть. Не первой молодости, облезлый, не очень умный, но — Слон.

А насчет дум нерадостных, тут претензий к нему не предъявишь. Есть причины. Воевать с собственным, по сути дела, народом — последнее дело. Впрочем, у управления, к которому Слон принадлежит, в этом опыт богатый.

Майор не-

вольно поёжился.

И чёрт его дёрнул поехать на машине? По боевому расписанию, ему сейчас положено рулить обстановкой из танка. Да только на колесах сподручнее, чем на гусеницах. Не ползешь, словно черепаха. На марше мобильность командира танкового батальона имеет большое значение, а за броней он укроется, если станет жарко.

Дойдёт ли до этого? Сомнительно. Никто без поддержки артиллерии с танковой колонной связываться не станет. С другой стороны, бунтовщики — не военные и могут этого не понимать. Эх, дотянуть бы до столицы без драки! Там его батальон волеётся в бригаду, там будет иной расклад.

Главное, чтобы солдатики не сглупили, не набанковали² себе на голову. Такие, как Слон, все замечают. А после — пойдёт писать губерния! Оно, конечно, время не то, на север валить лес не отправят, но крови попортят изрядно. Влепят строгача или задержат очередную звёздочку, как пить дать.

Во внутреннем кармане шинели у майора лежала плоская серебряная фляжка с коньяком. Очень хотелось глотнуть. При другом вдохновителе он так бы и сделал, не забыв угостить и соседа. Только Слон пить не любит, да и на пьющих смотрит неодобрительно.

«Значит, усмирять будем ещё и насухо, — мрачно подумал майор. — Усмирять тех, кого почти сорок лет назад освобождали. Вот такие, брат, пироги. Не очень вкусные, надо сказать...»

***

Думают территории глобально. Не просто короткими мыслями, касающимися дел, требующих немедленного решения, а настоящими думами о смысле жизни, о дальнейшем развитии, о взаимоотношениях с соседями: с кем из них дру-

² Набанковать (солдатский жаргон) — провиниться.

жить, с кем воевать. Думают они их долго, особым образом, большими объектами или событиями, процессами. Праздниками и грузовыми перевозками, парадами и сталелитейными заводами, передвижениями флотилий и вырубкой вековых лесов. С увеличением тела, территории становятся умнее, дум у них появляется больше.

Вот и Восточная, в очередной раз расширившись, вдруг осознала, что стала тщательнее работать с единицами, лучше понимать законы их взаимодействия. Кое-какие применяемые ими приёмы борьбы с соседями показались ей весьма эффективными. А ещё единицы обладали необычной системой мышления, называемой эмоциями. Как ей овладеть — территория не разобралась и решила, что для этого у неё пока не хватает тела. На всякий случай мысль об эмоциях она отложила на потом, записала в огромной статуе, установленной в центре самого северного из своих городов...

***

Было непривычно, весело и немного страшно. Хотя, можно ли по-настоящему бояться, если впереди встреча с любимым? Тут даже совсем непогожий декабрьский день станет светлым и праздничным. Главное — верить и идти, не останавливаясь.

Агнешка шла, машинально прислушиваясь к перестрелке, разгоравшейся где-то далеко, — кажется, на окраине.

И с чего она решила, будто там в кого-то стреляют? Почему не просто в воздух? Или это так называемые «предупредительные выстрелы»? Да нет, скорее всего, кому-то от избытка чувств пришло в голову пострелять в воздух. Кто запретит?

Главное, закончилось время вранья и наполненных пьяной радостью показушных демонстраций, эпоха жирных, немощных стариков, с телевизионных экранов повторяющих всем недоевшие, утратившие смысл слова. Пришла хана собраниям,

на которых мечтающие этими стариками стать совершенствовали искусство говорить бессмыслицу. Больше не будет пустого, безрадостного труда, контроля над личной жизнью, а детей перестанут чуть ли не с рождения обрабатывать, внушая, будто они всего лишь частички общей биомассы.

Всё это осталось в прошлом. Впереди лишь свобода, победа и любовь!

Янчо вынырнул откуда-то сбоку, кажется, из проходного двора. Лицо у него было расцарапано, пальто в кирпичной пыли. Не успела девушка опомниться, как он схватил её за руку и прохрипел:

— Агнешка, не ходи туда... Густава убили.

***

Дембель неизбежен, как восход солнца. Кухарчик знал это совершенно точно.

Запасливый Яманди достал из «сидора» связку пороха, которую выпросил несколько дней назад у кореша из другого батальона. Они там зачем-то разобрали штатный снаряд, и многие данной радостью затарились. Трубочки пороха смахивали на макароны, только были крупнее и имели очень толстые стенки. Горел порох медленно и совсем не опасно, но достаточно жарко, чтобы подогреть на нём еду в любую, даже самую слякотную погоду. «Макаронины» на одну банку консервов хватало с лихвой.

Танкисты разогрели тушёнку, поели, покурили «гуцульских» сигарет. Потом забрались в танк и, ожидая команды, снова курили. Наконец дождались. Сейчас же в голове колонны взревели моторы.

— По коням, орёлики! — крикнул Кухарчик.

Нравилось ему распоряжаться. Причём приказы его всегда оказывались правильными, и отдать он их успевал самым первым. Кому быть главным, как не ему? Ещё он знал, что будет командовать и после армии. У него была припасена блестящая ха-

¹ Клиренс — расстояние от днища танка до земли.

рактеристика для поступления в институт. И кем он станет, получив высшее образование, если не начальником? На Восточной территории, слава богу, для этого не нужно ни знакомств, ни права рождения, ни денег. Лишь одно желание, да способности.

Кухарчик спрыгнул в люк, устроился на сиденьи. Удостоверившись, что его ноги не мешают сидящему ниже наводчику, он сообщил:

— Яманди, будь готов. Сейчас поедем.
— Есть, — отозвался механик-водитель.

Теперь только успевай поглядывать в тримплекс, лови момент, когда колонна надумает остановиться, да дублируй команды офицеров. Ну, ещё надо держать ушки на макушке. Вдруг местным надоест бить бутылки, и они, в самом деле, надумают воевать?

Что-то ещё? Да, заряжающий... За ним необходимо приглядеть. Слишком много думает. Вдруг мысли неправильные в голову забредут?

Впереди (Кухарчик это чувствовал) маячила возможность отличиться. И если заряжающий банканёт, её можно упустить. А так не должно быть.

Он увидел, как ближайший танк тронулся с места, и скомандовал:

— Ходу!

Квартала через два наводчик оповестил:

— Я местную передачу поймал. Могу что-нибудь перевести. Надо?

— Какая передача? — спросил командир танка.

— О положении в стране.

— И что говорят?

Трассер довольно резво стал переводить:

— ...ввело в стране военное положение, объявило о создании Военного Совета национального спасения и изолировало наиболее экстремистские элементы из «Взаимосогласия»...

Дальше пошло не так гладко. Покатили незнакомые Трассеру слова. Он их попросту пропускал, и смысл сообщения стало

улавливать труднее. Хотя, что там понимать?

«Именно поэтому нас сюда и послали, — подумал Кухарчик. — Наводить порядок. А местные... Переть против такой силушки — с голой пяткой на шашку прыгать».

Танки, между тем, катили и катили колонной, выдерживая необходимые интервалы, незнакомыми улицами, площадями, лихо разворачиваясь при поворотах на брусчатке мостовой, да так, что искры летели из-под гусениц.

— Устал, — наконец признался, наводчик. — Да и ясно уже всё.

— Конечно, понятно, — откликнулся заряжающий. — Местный главный, жаба, продал своих с потрохами. Большие шишки — они все одним миром мазаны.

«Детство золотое в полный рост, — подумал командир танка. — Как есть — детство. Ничего не объяснишь. Даже смысла нет пытаться».

Он все-таки сказал:

— Человек честно пытается не допустить кровопролития. Большого кровопролития. Делает, что может.

— Уверен? — спросил Трассер.

И тут Кухарчику стало не до трепотни. Он увидел, как из ближайшего переулка выскочила девушка. Вот она на мгновение остановилась на краю тротуара, а потом бросилась наперерез его танку...

***

Время от времени на каком-нибудь участке тела Восточной появлялись вредные, заражённые плохими мыслями единицы. Чаще всего территория успевала их вычислить и обезвредить. Действовала она быстро, не считаясь с потерями. Знала: если болезнь начнёт распространяться, ущерб окажется огромным.

Иногда больных единиц появлялось так много, что Восточная не успевала их все нейтрализовать, и сопротивляющийся её влиянию участок продолжал расширяться.

Тогда она использовала войска — группы единиц, созданных для защиты и упорядочивания.

***

Так мерзко она не чувствовала себя ещё никогда. Боль шла откуда-то изнутри и заполняла всё тело. Казалось, оно только из боли и состоит. А ещё Агнешке хотелось умереть. Не видеть, не слышать, ничего не испытывать. Или хотя бы лечь прямо на грязную мостовую, завить в голос.

Тело отказывалось слушаться, не хотело оно ложиться, и это Агнешку удивило. Что может быть проще, чем лечь, но — нет? Зачем? Почему?

Причина была, и для её осознания не потребовалось больших усилий.

Девушка теперь точно знала, что в город пришла беда. Слово огромное осьминог, она медленно оплетала его стальными щупальцами. Несокрушимая, как стихийное бедствие, готовящееся отнять любимых у многих и многих, принести им горе. Агнешка попыталась сообразить, что ей делать дальше, но не смогла.

А потом до неё вдруг донесся грохот танковой колонны, продолжавшей двигаться к центру города. Почти рядом, немолимой, несокрушимой, не желающей остановиться.

Боль и отчаяние ушли. Осталось лишь желание, очень простое и выполнимое. Повинуясь ему, девушка бросилась в ближайший переулок, ведущий к улице, по которой шли танки.

Огромные, лязгающие гусеницами, взрывающиеся моторами, они показались Агнешке чудовищными. Ступив на мостовую, она даже остановилась, но на мгновение, не более, поскольку точно знала, что надлежит делать. Двинувшись навстречу ближайшей машине, Агнешка крестом раскинула руки, загораживая ей дорогу.

***

Главное сейчас, думала территория,

убрать очередную единицу, способную стать центром новой эпидемии. Самым быстрым и эффективным из возможных способов. Под личным контролем. Для начала следует найти подходящего исполнителя...

***

Яманди умел вытесать топором из куска дерева ложку и тем же инструментом построить дом. Он мог сшить сапоги и сложить печь, починить трактор, сесть на него и вспахать поле. Многие вещи он умел. Вот только людей давить гусеницами ему ещё не приходилось.

Он остановил танк в метре от перекрытой дороге женщины. Теперь надлежало дожидаться приказа. Он последует, можно было не сомневаться. Яманди знал, что его дело — работать, по принципу «бери больше, кидай дальше, пока летит — отдыхай», а решают другие. Им для этого и лычки даны на погоны.

Первое, сказанное Кухарчиком, на приказ не походило вовсе. Механик-водитель и ухом не повёл. Он ждал, поскольку умел и это.

— Двигай! — наконец крикнул командир танка. — Оглух, что ли? Сзади полколонны стоит.

— Женщина, — сообщил Яманди. — Она мешает.

— Да на пушку берёт... Стоит газануть и уйдёт с дороги, как миленькая.

— Не уйдёт, — ответил механик-водитель. — Её надо отсюда убрать.

Прекрасно понимая, что вот сейчас над ним прогремят громы небесные, он не собирался двигаться дальше. Человек — препятствие, а сейчас не война. Значит, эту бабу с его дороги должны убрать.

А потом произошло нечто странное.

— Дави! — приказал Кухарчик. — Едем дальше.

Голос командира звучал необычно. Не чувствовалось в нём привычной уверенности. Да и не мог приказ быть таким.

Просто — не мог. В последнее Яманди вел абсолютно.

Он знал, вот сейчас Кухарчик прикажет заряжающему убрать безумную дамочку на обочину. Придержат её, дать пройти оставшейся части колонны. А тот всё не мог отдать нужную команду, молчал, словно на него проклятие навели.

И вдруг слева, на оставленной для проезда машин части дороги, тормознул «бобик»...

***

Мысли? Образы? Непримируемая борьба? Ничего подобного. Просто некая сущность, огромная и очень сильная, словно бы на мгновение заглянула Агнешке в голову, вступила с ней в контакт. Чувствовалось, сделано это не с целью её исследовать, а случайно, в поисках кого-то другого.

Драться? Слишком противница была могуча и непонятна. Страх? Да нет, Агнешка сейчас не боялась. И ни о чём не могла думать, кроме как о своей уничтоженной жизни.

Мгновение заканчивалось, контакт разрывался. Девушка сделала единственно возможное. Не ударила, а поделилась с ней переполнявшим её чувством. И не ошиблась. Мимоходом, как берут оставленную у портье записку, торопясь по делам и понимая, что выкроить время на прочтение получится не скоро, дар был принят. Новое, необычное знание вошло в память Восточной и устроилось в ней, ожидая своей очереди.

***

Слон ощущал себя частью системы. Первый раз это случилось ещё в детстве, на собрании юных, когда в составе класса, на приветствие вожака «К деловой борьбе за нашу победу, готовсь!», чувствуя, как сердце заходится от восторга, а по коже бегут мурашки, он крикнул: «Да свершитсь!».

Слова в тот момент для того, кого потом назовут Слоном, не имели значения. Он понял это сразу, так легко, словно знание уже хранилось в его памяти и в нужный момент лишь выплыло из её глубин.

Шло время. Он жил, ел, пил, спал, взрослел, учился, пил горькую, любил женщин, выступал на собраниях, потихоньку делал карьеру, но главными в его жизни всё-таки оставались моменты единения с системой.

Она была жестока, но справедлива. Он боялся её гнева, но знал, что на самом деле карает она лишь за утрату веры в её силу, в её всеведение. Если не быть дураком, любое другое преступление сойдет с рук.

Единение настигло его вскоре после того, как он увидел метнувшуюся наперез танку женщину и приказал остановить машину. Окружающий мир стал почти нереальным. Ругань сидевшего рядом майора слышался очень тихо, словно сквозь невидимую стенку. Тело сотрясали медленные удары. Возникло ощущение, будто совсем рядом бьется исполинское сердце. Слон догадывался, чьё именно, но никогда, даже мысленно, не решался назвать имя.

Как обычно, единение длилось недолго. Оно накатило и ушло, оставив после себя ощущение силы и уверенности. Теперь вдохновитель полностью осознал, насколько серьёзна ситуация. Сопли жевать времени не осталось. Ещё он ведал, что разрешены любые действия. Любые.

Итак: женщина-препятствие, танк, уходящее время. А майор в исполнители не годится. Не в системе он и обязательно напортачит.

Рука вдохновителя, словно сама, вытащила пистолет из висевшей на боку кобуры.

— Вы, оба, офицер и сержант, вон из машины! — приказал Слон.

— Вдохновитель, рехнулся? — ошарашено спросил майор.

— Стреляю...

Он знал, что сначала прикончит тех, кто сидит с ним в машине. Они мешают. По-

том уберёт с дороги девушку. Жаль, нельзя пристрелить и её. К счастью, есть и другие способы быстро избавиться от мешающего человека.

Водитель наконец нащупал ручку дверцы. Открыв её, он выскочил наружу и метнулся за ближайший танк.

— Ах ты, куриный огузок! — бушевал майор. — Дай сюда пушку! Что удумал, мерзавец?

Слон понимал, что стрелять надо в голову. Конечно, машину здорово запачкает, но время сэкономится.

Он прицелился, вспомнив руководство по стрельбе, сделал вдох, положил палец на курок. Стрелять в людей ему до сих пор не приходилось, но сомнений вдохновитель не испытывал. Сейчас было дозволено всё. Вообще — всё.

Как оказалось, чувство самосохранения у майора всё-таки имелось. Унести ноги он успел.

Сунув пистолет обратно в кобуру, Слон пересел на сиденье водителя. Мотор взвыл, и «бобик» прыгнул вперед. Массы машины и силы удара хватило на то, чтобы отбросить женщину на необходимое расстояние. Она с размаху ударилась о стену ближайшего дома и рухнула на тротуар, некрасиво, словно сломанная кукла, раскинув ноги. Теперь оставалось только сдать назад и освободить проезд танкам.

***

Дело было закончено, очаг болезни нейтрализован, и территория вернулась к думам, стала производить их стройками, железными дорогами и маленькими поселениями.

О новом знании, полученном от вышедшей из повиновения единицы, она вспомнила не сразу. Изучение его потребовало

серии электростанций, построенных за следующие десять лет.

«Присущая людям система мышления чувствами», — думала Восточная, осознав по простетвию времени, с чем столкнулась. Кажется, чувств должно быть много и самых разных. Рано или поздно она соберёт их все. А пока, волею судьбы, ей отломилось лишь одно. Боль утраты.

Для того чтобы испытать его в полной мере, прикидывала территория, придется чем-то пожертвовать. Почему бы и нет? При её размерах восстановить потерю не составит труда. Лишь бы только это ощущение не оказалось слишком сильным. В таком случае ей почти наверняка захочется его повторить. Возможно, не один раз...

Оксана Дрябина
и
Леонид Кудрявцев

Под флагом Джека Воробья

разговор о будущем книжного рынка,
фантастике и пиратстве

Писателя Леонида Кудрявцева специально представлять не нужно: молодые любители фантастики знают его по книгам: «Центурион инопланетного района», «Звёздный порт», «Пуля для контролёра» (проект «S.T.A.L.K.E.R.»); читатели со стажем — по серии рассказов «Дорога миров», повести «Чёрная стена», романам «Клятва крысиного короля», «Тень мага», «Охота на Квака» и многим другим.

С 1994 года Леонид занимается литературным трудом профессионально, живёт на гонорары. Вместе с переизданиями у

него вышло шестьдесят книг. Это немало. Поэтому прежде всего я поинтересовалась:

ОД: Сколько часов в день и по какому графику Вы работаете?

ЛК: Тут всё сложно. Если меня ничего не отвлекает, то работаю всё время, свободное от сна. Как правило, сплю два раза в сутки, каждый раз от двух до четырёх часов.

ОД: В таком случае, про отпуск, выходные я уже и не спрашиваю... А при знакомстве с людьми говорите, что Вы — фантаст?

ЛК: Стараюсь не упоминать, поскольку частенько путают фантастику и фантазёрство. А это — разные вещи. Кстати, по моим наблюдениям, самые рационально и логично мыслящие люди из всей пишущей братии именно фантасты.

ОД: Возможно потому, что они знают, какой достоверной иногда может быть выдумка, знают её настоящую цену? Сейчас к фантастике (в самом широком значении этого понятия) обращаются и писатели, творчество которых принято относить к «мейнстриму». Одни считают это данью моде, другие — художественной необходимостью. Каково, на Ваш взгляд, место фантастики на общей литературной карте?

ЛК: Она — неотъемлемая часть литературы, стеновой хребет, на котором держатся все остальные жанры. Это — универсальный инструмент. Именно поэтому фантастам удаётся соединять в своих текстах казалось бы несовместимое. Фантастический роман запросто может обладать признаками исторического, детективного, быть антиутопией, да ещё и включать в себя изрядную долю юмора, не говоря уже о таких элементах, как инопланетяне и путешествия во времени. И все эти составляющие друг друга только дополняют, делают текст лучше, интереснее.

ОД: По моему мнению, всё это не облегчает, а как раз усложняет творческую задачу... Исследователи фантастики много

говорят о её эволюции. А по Вашим ощущениям (так сказать, «изнутри» литературного процесса), фантастика меняется?

ЛК: Литература, в том числе и фантастика, никогда не была обособлена от окружающего мира. Капитализация нашей страны не могла её не коснуться. За последние пятнадцать — двадцать лет издатели, желающие охватить своей продукцией как можно большее количество потребителей, вырастили целый класс коммерческих писателей. Ну а те создали новые, обречённые на финансовый успех направления.

Мне кажется, самым ярким примером служит «женский детектив», по сути являющийся обычным «женским романом», из которого выхолостили все мысли и привнесли некоторые детективные элементы. Он чуть ли не мгновенно поднялся на первые позиции рейтингов продаж и успешно оттеснил в тень роман о буднях уголовного розыска.

В фантастике такое тоже произошло. Целые направления захватил очень умело замаскировавшийся под неё так называемый «пацанский» роман (имеется в виду не возрастная категория, а принцип понимания мира). Если приглядеться, то видно, что многие книги наших авторов построены по нехитрой схеме. Они рассказывают о том, как «чёткие пацаны» отправляются в путь за сокровищами (баблом). По дороге они весело и без напряжения уничтожают орды врагов (лохов), без труда собирают горы могущественных артефактов, волшебных амулетов, амуниции, что позволяет им не по дням, а по часам становиться сильнее (крутить), а так же — мгновенно влюблять в себя всех встречных представительниц прекрасного пола.

Оксана Дрябина родилась в 1976 году. Журналист, критик, литературовед. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе и Союза писателей России, Секретарь международной Ассоциации исследователей фантастики. Живёт в Москве.

В конце книги герои приходят в пункт назначения, забирают бабло, которого очень много, устраивают финальное пиршество (накрывают поляну) и возвращаются домой. Всё. Ни мыслей, ни чувств, ни идей. Диалоги схематичны, с некоторой претензией на юмор казарменного уровня. Текст предельно упрощён, в каждом предложении не более пяти слов. Место действия — где угодно: в космосе, в волшебных королевствах, в чернобыльской зоне, во времени... Про приключения во времени, кстати, появилось даже отдельное ответвление, называемое «попаданчество». Это о том, как «чёткий пацан» попадает в прошлое, учит там уму-разуму какого-нибудь графа, барона, вождя, короля, Ленина, Сталина, Берию, а то и замещает одного из них. Потом он побеждает всех врагов, сказочно обогащается, влюбляет в себя всех представительниц прекрасного пола... Далее — по уже очерченной выше схеме.

ОД: К слову, есть мнение о том, что в наше время появились и «коммерческие читатели» — те, кто читает литературу одного направления: только «дамские детективы», или только книги о «пападанцах», или только мистику. Это всё, на Ваш взгляд, относится к фантастике или фантазёрству?

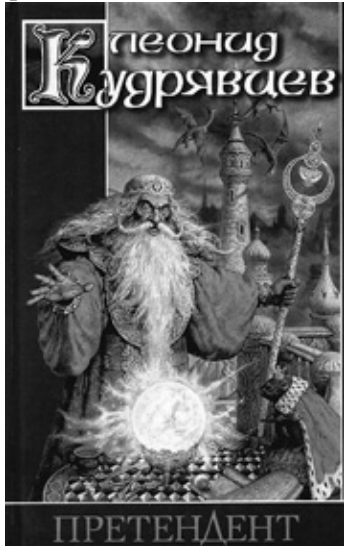

ЛК: Это относится к коммерческим текстам, в которые привнесли фантастический элемент. Если его убрать, тексты почти не изменятся. Просто могущественные маги или сталкеры скинут маски и станут «чёткими пацанами», кем на самом деле и являются, а очередное магическое сражение превратится в разборки из-за права крышевать пивной ларёк. Ну, а раз фантастический элемент привнесён лишь ради того, чтобы книга лучше продалась, то на самом деле это не фантастика. Между прочим, список текстов, мимикрирующих под неё, но, по сути, ею не являющихся, можно и расширить. Отдельного упоминания заслуживают как бы фантастика об учёбе очень современных девочек в школе ведьм, о тех же девочках, но в мире вампиров и оборотней. Только стоит ли это делать?

ОД: Думаю, наш читатель сам может продолжить этот перечень: Вы убедительно доказали, что явление такое существует, но на него можно посмотреть и с другой стороны: имеют право на существование и такие книги. Читателям нравится в них в том числе и фантастический элемент, следовательно, они поддерживают интерес к фантастике в целом. **Может быть, это не так плохо?**

ЛК: Вы правы. С одной стороны — хорошо, ибо количество потенциальных

читателей увеличивается. Насытятся сказками про отстрел зомби (есть и такое направление), глядишь, на что-то посерьёзнее набредут. Ещё, с подобных текстов частенько начинают молодые писатели.

Это позволяет заработать авторитет у издателей, завоевать хоть какую-то популярность. Большинство не поднимется выше поставщиков подобного чтива, но единицы со временем перейдут на более качественные тесты. Любители же и знатоки фантастики, на которых она и держится, определив по первой странице маскирующиеся под неё книги, ставят их обратно на полку магазина и не покупают.

С другой стороны, негативный эффект всё-таки есть, ибо начинающий читатель, потребив несколько таких «пацанских», «девчачковских» фантастических романов (и, поверив рекламным слоганам, которые, конечно же уверяют, что перед ним лучшие вещи в жанре, написанные лидерами продаж), говорит себе: «И это — лучшая фантастика? Нет, не хочу. Больше её читать не стану».

ОД: Остаётся лишь надеяться, что читатели со временем всё-таки сделают правильный выбор. **Каким Вы видите будущее настоящей, а не мимикрирующей фантастики?**

ЛК: Самая крупная проблема для литературы сейчас — это переход на электронный формат. Судя по всему, в ближайшие годы возникнет несколько огромных ресурсов, на которых любой желающий сможет продать свои тексты. На них угнездятся немногие профессионалы, туда же хлынет со своими произведениями наперевес легион начинающих авторов, дилетантов и просто графоманов. И конечно, продавать их получится лишь у тех, кто сумел составить себе имя. Сделать это станет гораздо труднее, чем сейчас. Думаю, уровень саморекламы повысится в разы, возникнут изощрённые, удивительные способы напомнить возможным покупателям о своём существовании. Появятся специалисты по рекламе авторов, возникнут защищающие их права организации, усилится конкуренция. Гарантия — будет шумно и весело.

Найдутся и авторы, которые додумаются, что в дополнение к пиару надлежит ещё и

повышать качество продаваемого текста. Пусть их будет меньшинство, а большинство станет привычно прорываться нахрапом, но, учитывая общее количество претендующих на внимание читателей, можно предположить, что таких авторов окажется много. Если удастся укротить книжное пиратство или загнать его в приемлемые рамки, в ближайшем будущем стоит ждать резкого увеличения количества качественных, необычных текстов.

ОД: Кстати о пиратах. В Интернете Вы известны как один из врагов «собратьев» Джека Воробья. Судя по всему, деятельность книжных пиратов весьма далека от романтики. Это хорошо видно всем, кто следит за дискуссиями в социальных сетях, за сообщениями в СМИ. В недавнем прошлом Совет по фантастической и приключенческой литературе проводил встречу писателей с представителями пиратов, на которой общий язык с ними не был найден. **Верно ли то, что пиратство отрицательно влияет на уровень продаж книг? Расскажите об этом подробнее.**

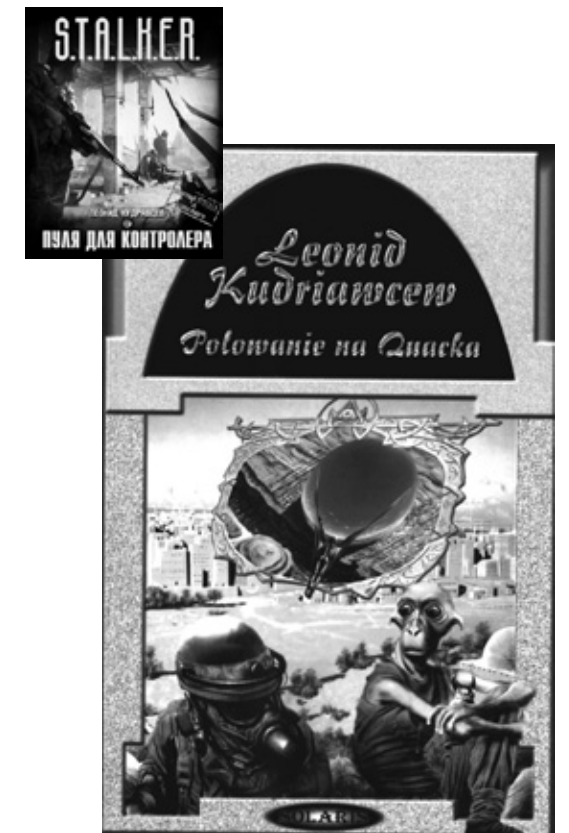
ЛК: Вся моя борьба с пиратами выражается лишь в том, что я время от времени размещаю в своем блоге материалы, касающиеся тех или иных аспектов общения писателей с ними, да позволяю себе там же на эту тему высказываться.

Прежде всего: я не возражаю против свободного скачивания текстов, в том случае, если это происходит с согласия автора. К примеру, на собственном сайте www.kudr.info я ещё лет шесть назад выложил около двух десятков своих романов, повестей и рассказов. Время от времени что-то убираю, что-то добавляю. Их можно скачать бесплатно.

Ни в чём не обвиняю людей, скачивающих тексты на пиратских сайтах. Как старый книжник, я их прекрасно понимаю. Слишком велико искушение очень быстро и даром собрать великолепную библиотеку.

Мне кажется, вина за происходящее лежит на владельцах пятидесяти, ну, может

быть, сотни пиратских сайтов. Причём, и среди них есть люди, которые делают благое дело: дают возможность прочитать забытые и редкие книги, налаживают отношения с авторами. Однако гораздо больше тех, кто, не раздумывая, тащит на свой сайт любой попавшийся под руку текст. Дошло до того, что каждая новая книга популярного автора оказывается на пиратском сайте в течение нескольких дней после появления в книжном магазине. А стоит её электронной копии очутиться хотя бы на одном пиратском сайте, как в течение часов её выкладывают все остальные. Учитывая объём аудитории, это влияет на продажу бумажных книг катастрофическим образом. Нередко великолепный текст, насчитывающий в сети сотни тысяч скачиваний, ставший «хитом» пиратских сайтов, на бумаге не продается и тиражом в пять тысяч экземпляров. Зачем покупать книгу, если она уже есть у каждого на читалке и бесплатно?

ОД: Неужели всё и в самом деле так серьезно? Задам вопрос, который, в той или иной форме, возникает на форумах всякий раз, когда речь заходит о пиратах: **А не преувеличиваете ли Вы?**

ЛК: Можно привести цифры.

По официальным данным за последние три года в стране продано более трёх миллионов электронных читалок. С них, соответственно, читают более трёх миллионов человек. Причем, учтите, читалку покупают тогда, когда пользуются ей постоянно. К этому количеству следует добавить ещё и читающих со смартфонов, планшетов, экранов компа и даже мобилок — то есть увеличить цифру читателей раза в два. Таким образом получается, что за последние два-три года в стране образовался рынок электронных книг, в котором около пяти-шести миллионов потребителей, насыщаемый почти на сто процентов нелегальным контентом. Рынок возник настолько быстро, что им не успел вплотную заняться крупный капитал. Пока его захватили мелкие хищники — владельцы тех самые пятидесяти, сотни сайтов, на многих из кото-

рых лежит чуть ли не по сотне тысяч ворованных книг. Зарабатывать толком они не умеют и берут рубль там, где нормальный предприниматель мог бы заработать сотню, берут на дешёвой рекламе, взывая клубные взносы,

но берут. Они прекрасно понимают, что их время истекает, но готовы на всё, лишь бы оттянуть неизбежный конец ещё хоть немного.

ОД: Кто, по Вашему мнению, страдает от пиратства прежде всего?

ЛК: То есть, кто за этот «пир духа» расплачивается? Издатели и авторы. Всё это море разлитое халявы на пиратских сайтах существует за их счёт. Отрасль на глазах гибнет. Ибо сворованная книга просто перестаёт продаваться, что не может ни отражаться на доходах издателей и гонорарах авторов, часто съедая их полностью. Трудно писать книгу, если ты за неё ничего не получаешь. Желаящие обвинить писателей в какой-то особой жадности должны для начала проработать с год на своей работе бесплатно, причём на работе, которую надо делать каждый день, без праздников и выходных. Насколько я помню, бесплатный труд называется рабством? Так вот, не желают ли они на годик продаться в рабство? Нет? А писатели нашей страны в рабстве у пиратов уже года два-три.

Учтите, в первую очередь книжное пиратство бьёт по авторам хороших, качественных книг. Всякое хищничество, браконьерство, главным образом, уничтожает дорогую, редкую дичь. Я за последний год не раз читал в Интернете сообщения профессиональных писателей о том, что они более не могут работать бесплатно и уходят из литературы. А многие просто уходят молчком. Начали закатывать истерики, заявлять о невозможности работать и коммерческие авторы, которых до сего момента спасали армии фанатов и хорошо оплаченная реклама. Закрываются издательства, разоряются книжные магазины. Это значит, что система умирает. Количество паразитов на собаке превысило все допустимые нормы, они её заели, и та уже бьётся в конвульсиях. Необходимы срочные меры.

ОД: Картина безрадостная и малооперспективная. **Но существуют ли, на Ваш взгляд, эффективные способы борьбы с этим явлением?**

ЛК: Книжное пиратство является хорошим примером столкновения обычного обывательского сознания с технологиями будущего. Помните старый фильм «Иван Васильевич меняет профессию»? Там учёный придумал аппарат для перемещения во времени. Человек с мещанским пониманием мира, которому он объяснил назначение изобретения, первым делом поинтересовался, можно ли с помощью аппарата совершить воровство.

Случай с пиратами — из той же области. Интернет даёт возможность получать и использовать в корыстных целях чужие тексты. И конечно, нашлись люди, которые тут же стали на этом наживаться, не думая о последствиях. Они просто не могут понять пагубность своих действий: понимание мира у них такое. И пока оно не доросло до определённого уровня, необходимо их действия каким-то образом ограничить. Иначе люди с сознанием мелких хищников таких дел понаделают... Уже понаделали, точнее говоря.

ОД: Да, в одном из своих постов Вы привели достаточно яркий образ: «Вот сейчас пираты добьют книгоиздательство, что с успехом и бессмысленной радостью делают уже года два-три (именно так злобные мальчики — будущие садисты на улице забивают камнями не вовремя попавшуюся им бродячую кошку)»...

ЛК: Бороться с пиратами следует так же, как и с обычными ворами, (подчеркиваю: я считаю ими не скачивающих, а владельцев пиратских сайтов). Технически это несложно, было бы желание. Людей с определённым уровнем сознания удерживает от преступления лишь неизбежность наказания за него. Также важно создавать общественное мнение, осуждающее пиратство. Надо объяснять, какой вред оно приносит, что оно уничтожает литературу. У страны, в которой нет своей мощной литературы, нет и будущего, ибо именно литература создает образ будущего, к которому следует идти, в которое надлежит верить. Литература не только развлекает,

но ещё исподволь учит людей вечным ценностям. Телевизор показывает, как живётся сейчас, а книги учат, к чему надо стремиться, как следует жить.

ОД: Стараясь защитить свою позицию, люди обращаются к руководству страны с петициями, пишут открытые письма. Готовятся новые законы, защищающие авторское право. А вот если сделать такое фантастическое допущение: **Вас назначили Министром культуры. Какие бы законы изменили или приняли первыми?**

ЛК: Человек на такой должности должен обладать определенными качествами и знаниями, быть профи своего дела. Я всю жизнь учился писать, я — инструмент для производства хорошего текста. Поэтому, выбрав из своих замов самогомышленного и профессионального, я поставил бы его на своё место и ушёл писать книги.

Поблагодарив Леонида Викторовича за беседу, я искренне жалела, что рамки журнального интервью узки и многое осталось за его границами. Может быть, в следующий раз мы поговорим более подробно о его работе, о новых книгах... Мне ведь тоже хочется верить в то, что кораблю нашей фантастики удастся пробиться сквозь шеренги фрегатов под пиратскими флагами и выйти в воды новых, необычных, удивительных морей и океанов. Хорошей фантастики и приятного чтения!

Фотографии из архивов Оксаны Дрябиной, Леонида Кудрявцева и Юлии Шубниковой.

Старт дан!

Так уж повелось, что первый номер нового издания открывается программной статьёй, в которой редакция (редакция, главный редактор) излагают свои взгляды на то, каким будет «ново-рождённый». Наверное, это правильно. Вот только решили мы от традиции этой отступить и разместить такую статью в конце «пилотного» номера журнала «Космопорт». То есть — читатель доберётся до неё после того, как прочтёт все опубликованные в журнале материалы и составит о нём своё собственное мнение. Нет, конечно же, существуют весьма уважаемые читатели, которые предпочитают выхватывать тексты в произвольном порядке, а то и вовсе начинают с конца, но тут уж ничего поделать нельзя...

Опыт издания специализированных литературно-художественных журналов фантастики в нашей стране (или странах?) есть. Читатели со стажем, конечно же, помнят минский «Фантакрим-МЕГА», ещё совсем недавно подписчики получали «Полдень. XXI век» и «Если», «Звёздную дорогу» и «Реальность фантастики». Вспоминаются и новосибирская «Мечта», и волгоградский «Шалтай-Болтай», и... — перечень этот без труда можно продолжить. Сразу скажем: мы не собираемся изобретать велосипед и придумывать что-нибудь совсем уж невообразимое. На страницах «Космопорта» основное внимание будет уделяться фантастическим художественным произведениям — рассказам и небольшим повестям. Объём опубликованного, естественно, лимитируется форматом журнала и запланированным листажом. Пока «Космопорт» невелик, и в 2014-м году его объём меняться не будет. Одна из причин такого ограничения — требования почты, жёстко следящей за весом средства массовой информации. Неожиданно?

Но такое условие существует, и оно действует в течение всего периода, на который была объявлена подписка. Ну а дальнейшие перспективы зависят от нас всех — и от редакции «Космопорта», и от его читателей. На сотрудниках журнала лежит ответственность за его наполнение, за то, насколько «Космопорт» будет интересен любителям фантастики: и тем, кто уже давно её читает, и новичкам, только-только открывающим для себя привлекательность необычных миров и ситуаций, возникающих из-под пера автора (или на мониторе его компьютера). Ну а читатели (мы на это надеемся) проголосуют за «Космопорт» рублём — ведь сегодня ни одно средство массовой информации, работающее в убыток, существовать не может. Есть, конечно, такие понятия, как щедрые спонсоры, богатые меценаты, забота официальных структур, но в случае с фантастическим журналом — всё это пока не фантастика даже, а сказка. В общем, уважаемые читатели, поддержите «Космопорт», — и журнал будет жить и развиваться. Ну а если отдадите его на разграбление «пиратам»... Впрочем, и в этом случае всё абсолютно ясно.

Но вернёмся к литературе и произведениям, в которых заинтересована редакция «Космопорта» и которые в итоге появятся на страницах журнала. Авторы, с которыми редакция уже работает, получили письмо такого примерно содержания: «Нас интересуют фантастические произведения, ранее не печатавшиеся на русском языке и “не засвеченные” в Интернете». Занятно, но эти требования уже вызвали спор. Особенное недоумение вызывает второе условие: зачем это, мол? Неужто сотрудники журнала считают, что любители фантастики отслеживают все тексты, которыми завалена Сеть? Да, на наш взгляд, интересные произведения достаточно быстро попадают в поле зрения фэнов, и нам совсем не хочется превращать журнал в подобие «сэконд хэнда». Ну а если на рас-

сказ (повесть) никто не обратил внимания, стоит ли его печатать?

Об авторах. Мы открыты к сотрудничеству с любым человеком, пишущим фантастику. Естественно, надеемся на то, что в скором будущем у «Космопорта» сформируется свой круг авторов, но замыкаться в «междусобойчике» не собираемся. Не станем мы и публиковать произведения «ради фамилии», по принципу: автор известен — немедленно в печать вне зависимости от качества текста...

На страницах «Космопорта» будут публиковаться произведения как отечественных (естественно, их будет больше), так и зарубежных авторов. Собственно, прочитав «пилотный» номер, в этом вы уже убедились.

Относительно того, чего не хочется брать «ни под каким соусом». Естественно, есть ограничения, введённые законодательством как Беларуси, так и России. Они всем известны. И ещё: произведения, вся суть которых состоит в откровенной «чернухе», описании садистских сцен — нам не интересны. Равно как и тексты, содержащие ненормативную лексику. Утверждение: «Но ведь в реальной жизни многие говорят именно так!» — оспаривать не собираемся, просто рекомендуем поклонникам табуированной лексики перечитать книги Леонида Соболева или Алексея Толстого и поучиться тому, как можно передать речь героя, не засоряя текст сквернословием.

Ещё один вопрос содержится во многих письмах, полученных редакцией. Звучит он так: «Какую фантастику вы будете публиковать?». А дальше следует конкретизация: НФ или фэнтэзи, интересуют ли редакцию произведения юмористические и сатирические, рассказы о зомби, вампирах и т.д., и т.п. Четверть века назад писатель-фантаст Николай Полунин в одной из своих полемических статей так сформулировал ответ

на этот вечный вопрос: «Фантастика должна быть разной!». Не будем вдаваться в тонкости разнообразных классификаций, которых придерживаются ныне литературоведы, а остановимся на разделении фантастики по роли фантастического элемента в произведении. В итоге — получим три группы текстов, каждая из которых написана по своим законам, в каждой применяются свои объективные требования к прописанности характера героев, напряжённости сюжета и пр. Вот эти группы: «фанта-

стика — цель» (иначе говоря, научная фантастика), «фантастика — приём» (называют её ещё и «литературной», и «мэйнстримовской», и «фантастическим реализмом»), и «фантастика — фон» (приключенческая литература). У каждого из этих направлений есть свои поклонники, что абсолютно закономерно. Но мы каких-то барьеров вводить не собираемся: редакцию «Космопорта» интересуют любые произведения, соответствующие одному критерию — написано должно быть интересно и профессионально.

Критические и литературоведческие работы на страницах журнала появляться, конечно же, будут. Нам кажутся интересными и статьи, рассказывающие о творчестве пока не слишком знакомых нашему читателю авторов (прежде всего зарубежных), и беседы-интервью с известными писателями, позволяющие не только заглянуть на их «творческую кухню», но и понять, какие проблемы беспокоят пишущих. Рецензии тоже опубликуем с удовольствием, вот только написаны они должны быть не по устоявшемуся в последние годы шаблону: «Идея произведения не нова, сюжет не выстроен, язык усреднённо-скучный, герои картонные, а в целом получилось занимательная вещь, которую поклонники фантастики прочтут с удовольствием».

Будем ли мы уделять внимание иным (не литературным) направлениям фантастики, таким как кино, живопись, музыка? Может быть. Но только изредка (если поступит материал уж очень интересный) — всё же это не наш профиль.

С такими мыслями и планами приступала редакция «Космопорта» к подготовке самого первого номера журнала. И вот — старт дан! Читайте, обсуждайте, критикуйте. С января будущего года «Космопорт» будет выходить ежемесячно. Хорошей всем фантастики!

Редакция журнала «Космопорт»

Внимание — подписка!

На журнал «Космопорт» можно будет подписаться на первое полугодие 2014 года во всех почтовых отделениях Беларуси:
Индекс для индивидуальных подписчиков — 74892
Индекс для ведомственных подписчиков — 748922

По вопросам реализации журнала адрес для переписки: 220082, РБ, г. Минск, а/я 34, «Космопорт»
электронная почта: info@kosmoport.net
тел.: +375 29 653 22 54

Издательство «Минар» также предлагает:

«Минутка» — 74908
Не секрет для всех вокруг,
Что Минутка — лучший друг!

«Минуткины сказки» — 74930
Сказки читаем
Да в игры играем!

«Тигра» — 00750
+ наклейки
Тигра детям очень рада!
Их ответы — ей награда!

«Мамин солнышко» — 01205
Всем малышам от 2 до 5,
«Мамин солнышко», ярко свети!

«Умейка» — 00647
Играй, рисуй и мастеря —
И умелым станешь ты!

«Решу без мамы» — 00653
Все задачки решим сами —
Пусть гордятся нами мамы!

«Играю с мамой» — 00123
Вот журнал, он лучший самый,
С ним везде «Играю с мамой»

Альманах «Светлячок» — 00646
«Светлячок» поможет детям
Разувать про всё на свете!

ISSN 2308-894X

772306 894003 00133